

Марина
Джигедова

ДНЕВНИК СМЕРТНИЦЫ

Хадижа

Марина Магомеднебиевна Ахмедова

Дневник смертницы. Хадижа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3940825

Дневник смертницы. Хадижа : [роман] / Марина Ахмедова.; АСТ,

Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-075469-4, 978-5-271-37186-8

Аннотация

«Дневник смертницы. Хадижа» – неспешный рассказ девочки о жизни в одном из горных сел Дагестана, где героиня с детства учится различать гнев и милость Аллаха, который постоянно ставит ее перед выбором – белое или черное?

Повзрослев, Хадижа покинет село и окунется в страсти города, где тебя принимают по одежке, где многое продается и покупается. Город, в котором идет война между боевиками и силовиками, постоянно предлагает ей выбор, но маскируя белое под черное, и наоборот. Что она выберет? Хадижа и сама не знает ответа на этот вопрос и лишь к концу понимает, что вся ее жизнь – череда выборов и каждый сделанный выбор определяет следующий.

Прототипом героини послужили реальные девушки, причастные к бандподполью на Северном Кавказе.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Марина Ахмедова

Дневник

смертницы. Хадижа

Часть первая

Заканчивается весна, каждый день идут проливные дожди – вытекают из туч большими тяжелыми каплями. Когда я была маленькой, я выходила на деревянное крыльцо, обувала стоящие под навесом галоши и, держась за перила, подолгу смотрела на тучи. Наверное, поэтому я их так хорошо запомнила. Они были похожи на комки бараньей шерсти, которые тетя Надира вынимала из матрасов, чтобы постирать. Она замачивала шерсть в большом жестяном тазу, а потом сушила на клеенке, расстеленной в солнечной части двора. Шерсть в тазу спутывалась в комки размером с кулак, и мы с тетей и бабушкой щипали ее пальцами, прежде чем вернуть в ситцевый чехол матраса и снова его зашить. Тучи, на которые я смотрела в те дни, казались мне замоченными в синьке комками шерсти.

Редко бывает, чтобы такой дождь шел у нас в селе несколько дней подряд. Как в детстве, я прикладываю ладони к раскисшим от дождя перилам и выдыхаю изо рта пар, тоже по-

хожий на разорванные клочки шерсти. Холодно, и я поджигаю холодные пальцы ног в галошах.

По вечерам тетя Надира, надвинув на лоб большой шерстяной платок, сложенный вдвое, ходит за водой на родник. Она закидывает на плечи сразу два жестяных кувшина. Иногда, если дождь становится меньше, она берет меня с собой, и я приношу с родника воду в старом эмалированном чайнике без крышки. Вот и сегодня мы ходили на родник, и наши ноги разъезжались по грязи.

Когда у нас в селе идет дождь, земля становится мягкой и скользкой, люди подкладывают под ноги бревна и доски, чтобы не упасть. А когда жарко, земля очень твердая и такая сухая, что на ней образуются глубокие трещины. Раньше я в них заглядывала – думала, что увижу свет или глаза какого-нибудь человека, который с другого конца земли заглянул в ту же щель, ведь земля круглая.

Из этой земли, которая лежит у нас на дороге, раньше строили дома – смешивали ее с соломой, месили ногами, закладывали в деревянные прямоугольные формы и сушили на солнце. Из такого самодельного кирпича построены многие дома в нашем селе. Редко кто строит дома из камня – скользкого булыжника, который собирают на берегах двух рек, текущих мимо нашего селения – с правой и с левой стороны. Раньше только один дом в нашем селе был кирпичным. Дом генерала Казибекова. Когда генерал Казибеков только построил свой дом в три этажа на левой окраине, посмотреть

на него приходило все село. Некоторые приходили даже из соседних сел. Генерал в этом доме не живет, только приезжает изредка на несколько дней из города. С ним приезжает его семья – жена и дети, и все село снова собирается на них посмотреть. Когда жена генерала идет на родник, подложив на плечо под ручку кувшина полотенце, потому что городские не умеют носить с родника воду, все женщины тоже выходят с кувшинами из домов, и пока она стоит в очереди к роднику, они разглядывают ее шелковый платок, шифоновую юбку и золотые кольца на пальцах. Говорят, в городе у генерала дом еще больше, а дедушка говорит, что он построил этот дом в нашем селе для того, чтобы перед всеми похвастаться. Мы с мамой раньше тоже жили в городе, а потом, когда умер отец, переехали в село. Теперь, когда мне тринадцать и я пишу эту тетрадь, дом генерала Казибеева перестал быть самым красивым – некоторые наши сельчане настолько разбогатели, что на месте их саманных домов появились дома из красного или белого кирпича, с высокими чугунными воротами, на которых белой или зеленой краской нарисован полумесяц со звездой.

Мы живем в доме, построенном наполовину из дерева, наполовину из самана. Каждое лето бабушка обмазывает стены жидкой глиной. Потолок из бревен – тонких стволов деревьев с содранной корой. От времени они стали коричневыми и как будто покрылись тонким слоем бесцветного лака для ногтей. По ночам, лежа на полу на шерстяном матрасе, я по-

долгу их разглядываю, слушая, как за стенкой поет сверчок. Из таких же бревен сделан бабушкин станок для ковров. Он занимает всю стену в большой комнате. Когда бабушка заканчивает ковер, она натягивает на станок новый ряд серых шерстяных ниток. Маленькая, я водила по ним пальцем – нитки были очень тугими и пели как дедушкин чунгур.

У нас в доме есть все для того, чтобы ткать ковер. Прежде всего бараны, с которых дедушка состригает шерсть большими овечьими ножницами. Когда мама была жива, они с бабушкой выходили на речку, неся шерсть в больших корзинах. Раскладывали ее на широких камнях, зачерпывали ведром воду из реки, поливали шерсть и, скинув резиновые галоши, мяти ее босыми ногами. Потом шерсть снова собирали в корзину и несли сушить во двор дома. У бабушки была прялка с круглым колесом, и по вечерам она превращала пощипанную шерсть в толстую нитку. В отличие от других семей, мы не ездили в город, чтобы покрасить нитки в красный, синий или зеленый цвет. Бабушка красила нитки сама, разводя краску в чугунах с кипящей водой.

Бабушка обещала научить меня ткать ковер, когда мне исполнится девять и я должна буду начать готовить для себя приданое – три сумаха и два ковра. Я ждала, когда повзрелею и мне разрешат одной ходить на родник с кувшином. Иногда я примеряла кувшин, но даже пустой он больно давил на плечо. Мама приносила с родника только один кувшин.

Мама была худая и слабая, с тонкими костями, она мало

походила на сельских женщин, у нее были маленькие ступни и узкие плечи. Когда она несла с родника тяжелый кувшин, мне казалось: еще немного – и мама переломится. Если в доме нужно было много воды, она ходила на родник дважды. Бабушка не разрешала ей подкладывать под ручку кувшина полотенце – хотела, чтобы мама вышла замуж еще раз. Мама часто плакала после смерти отца, не ходила в гости, она выходила только на родник, и бабушка боялась, что люди подумают: мать больна.

В нашем селе много глины. Иногда в дождливую погоду женщины идут на окраины с лопатами, выкапывают землю и приносят домой, чтобы обмазать пол и стены. Из-за глины земля на дороге очень липкая, она пристает к галошам: делаешь еще шаг – и на слой глины лепится новый.

Пока мы с тетей Надирой сегодня шли на родник, на наших галошах собралось много грязи, мы подошли к бревну на дороге и почистили грязь об него.

Из соседнего дома, огороженного свежими желтыми бревнами, вышла наша соседка Сакина. Прошлым летом она вышла замуж, родила девочку и снова была беременной. Теперь она будет рожать, пока не родит мальчика. Сакина тоже несла на плечах два кувшина. Мы поздоровались, тетя приобняла Сакину одной рукой. Такой в нашем селе обычай. Мы пошли дальше втроем. Родник – в конце села, за домом генерала Казибекова. Всю зиму женщины ходят за водой на речку, потому что в морозы родник замерзает. В начале вес-

ны он снова заструился, и теперь возле него выстраивается очередь.

Парни тоже приходят к роднику – после полудня, когда в домах заканчивается вода, принесенная рано утром. Они стоят в стороне, под старым ореховым деревом, разговаривают о своих делах, хотя никаких особенных дел у мужчин в нашем селе нет. Дела где-то далеко – в России или в Баку, туда они уезжают зимой на заработки, а к лету возвращаются на отдых. Обрывки их разговоров долетали до нас – парни специально говорили громко, чтобы девушки не думали, будто обсуждают их. Говорить о чужих женщинах у нас не принято. Мужчины начинают говорить между собой громче, даже когда просто встречают женщину на дороге. Во времена молодости моей бабушки, увидев идущего навстречу мужчину, женщина должна была остановиться, встать к нему спиной и ждать, когда он пройдет. Сейчас женщины просто опускают глаза и идут, глядя в землю. На чужих мужчин у нас смотреть не принято.

Какой-то парень бросил быстрый взгляд на соседскую девушку. Она пришла на родник в красивом платке и чистых галошах. Многие парни выбирают себе жен на роднике. Но парни и девушки не заговаривают между собой. Девушка просто ждет, когда понравившийся парень придет в ее дом сватов.

Женщины по очереди подставляли узкие высокие горла кувшинов под широкую пенящуюся струю, наполняли их,

ловко поднимали и вешали на плечи. Тетя наполнила кувшины до краев. Вода из одного выплеснулась ей на спину, когда она поднимала кувшин на плечо. Я поежилась от холода, хотя это была не моя спина. Вода в роднике очень холодная. Если подставить под нее руку, то сразу заломят кости в пальцах. От нескольких глотков такой воды болят даже зубы. Но тетя ко всему давно привыкла. Когда-нибудь и я смогу носить кувшин, а пока я всего на полголовы выше него.

* * *

Наше село небольшое. В нем лишь одна улица, а по ее бокам стоят дома. Почти в конце села она поворачивает вправо и идет еще несколькими домами. А за ними начинаются горы. С другой стороны села – тоже горы. Наше село поместилось в низине между ними, в длину и ширину еще остается место, и после того как в селе сыграют свадьбу, новая семья начинает строиться на окраине. Наше село постепенно растет.

Наш дом – на противоположной окраине от дома генерала. Сразу за воротами начинается кладбище. Когда прадедушка моего дедушки только выбрал этот участок под дом, кладбище было еще далеко, но оно росло и постепенно дошло до наших ворот. Плиты нового кладбища – с выдолбленными на них датами и именами, полумесяцем и звездой. А дальше, за ними, начинается старое кладбище – старые

речные камни, покрытые зеленым мхом. Раньше, когда кто-то умирал, его родственники шли на реку и искали на берегу подходящий камень. Человека закапывали в землю и ставили камень сверху. На камнях ничего не писали, но каждый родственник знал свой камень. Родственников одной семьи хоронили рядом. Теперь на эту половину кладбища ходят редко, старые камни уже покосились, покрылись густым мхом. В детстве они казались мне зубами большого дракона, из которых когда-нибудь вырастут новые люди.

Я любила гулять среди этих камней, особенно летом, когда под ногами яркая трава, куда ни посмотри – повсюду кучерявые горы. Когда я была маленькой, то думала, что горы покрыты зеленой мягкой шерстью, как бараны. Потом дедушка объяснил мне, что это не шерсть, а деревья, которые издалека сливаются в один покров.

На кладбище всегда очень тихо, не считая дней похорон. В такие дни сюда приходят мужчины. Несколько из них несут на плечах свернутый ковер. За ними идут остальные, опустив головы. Женщин среди них нет – наши не участвуют в похоронах. Мужчины опускают ковер в вырытую яму, забрасывают ее землей, встают вокруг, выставляют вперед раскрытые ладони и тихо молятся. Я знаю об этом, потому что, маленькая, следила за ними с веранды нашего дома, и мне казалось, они шепчут что-то себе в руки, но оказывается, это мне потом объяснил дедушка, они так говорят с Богом.

– А где Бог? – спросила я дедушку.

– Там, – он поднял палец вверх.

– Если он наверху, почему они говорят, глядя вниз? – спросила я.

– Поймешь, когда вырастешь, – ответил дедушка.

Однажды, когда наша корова заболела и мы с бабушкой сами повели ее на пастбище, я увидела на кладбище что-то страшное.

Только начало светать, мы вышли из дома. Бабушка подгоняла корову длинной палкой, а когда корова шла без остановки, бабушка опиралась на эту палку. На обратном пути я забрела на кладбище.

Я прошла новое кладбище. Взяла печенье с одной свежей могилы. Сдула с него муравьев. Печенье было мокрым от росы, но я все равно его съела. У нас дома редко бывало что-то сладкое, кроме сахара и меда. Я собирала конфеты и печенье на могилах, поэтому мне нравилось, когда у нас в селе кого-нибудь хоронили, – целую неделю родственники приносили на могилу еду, чтобы другие брали.

Проходя по старому кладбищу, потрогала камни и мох. Солнце еще не успело нагреть камни. Я заметила, что камни на новом кладбище нагревались быстро, а эти еще к полудню оставались холодными. Может быть, потому, что люди, которые под ними, давно умерли?

Я поискала могилу прапрабабушки. Каждый раз, приходя на старое кладбище, я ее искала. Однажды бабушка показала мне место, где она лежит, но я его не запомнила. Все камни

одинаковые, на них нет никаких меток, надо хорошо знать, где похоронен твой род, чтобы не спутать его с другим.

Говорили, что, когда умерла моя прапрабабушка, из ее могилы к небу поднялся столп света и стоял еще вот так какое-то время. И кто-то даже сказал: «Такая, что ли, в земле лежать будет? Такая сразу попадет на небо». Все сельчане уважали мою прапрабабушку. Говорили, по утрам она летала на священную гору Шалбуздаг, там живут святые духи. Вершина горы покрыта снегом, от нашего села до нее – несколько дней пути. По горе текут реки, со дна которых поднимаются разноцветные столпы света. На вершине стоят два камня – через них нужно пройти, чтобы все твои грехи очистились. Но если ты очень грешен, камни сжимаются и не пускают тебя. А если ты святой – наоборот, расширяются, и ты можешь идти. Иногда очень худые люди застревают в этих камнях, а толстые легко проходят. Проехать на ту вершину нельзя, нужно идти пешком, иначе тебе грех.

Говорили, однажды утром люди видели, как прапрабабушка счищает с чарыков снег. Было лето, и снег в селе не лежал. Значит, прапрабабушка летала на ту гору – так люди говорили. Еще рассказывали, что она разговаривала со святыми. Однажды, опираясь на посох, к нам в дом пришел нищий с длинной белой бородой, прапрабабушка вышла к нему с куском овечьего сыра, завернутого в лепешку.

– Нет, – сказал нищий, – это я не возьму. Ты мне вон тот ковер со стены сними.

Прапрадедушка хотел прогнать наглого нищего, но прапрабабушка быстро сняла со стены ковер, который ткала пять лет, свернула его и протянула нищему. Нищий исчез, а ковер нашли за калиткой. Потом говорили, что это был святой, который приходил проверить мою прапрабабушку.

Я и в тот раз не смогла отыскать ее могилу. Я прошла старое кладбище, остановилась на его краю и обвела взглядом все камни. Думала, может, прапрабабушка засветится и даст мне знак. Ни одна могила не светилась.

За кладбищем был склон, я туда еще не ходила. Я стала спускаться по склону, и мои галоши заскользили по траве. Я побежала, чтобы не упасть: когда бежишь по горному спуску, ноги работают сами и ты не можешь остановиться, пока не добежишь до ровной дороги.

Дальше начинался лес, а между ним и склоном стоял домик. Кто в нем живет, спрашивала я себя и смотрела на него со стороны, пока не приближаясь. Почему нет загона для скота? Почему дом не огорожен бревнами или забором? Он был построен из глины, на крыше не было трубы. Значит, тот, кто живет в этом доме, никогда не топит печку? Может быть, хозяин дома тот нищий, который приходил к моей прапрабабушке, подумала я.

Я еще подождала, надеясь, что кто-нибудь выйдет из дома, но никто не выходил. Поэтому я неслышно подошла к нему. В доме было тихо. Бабушка никогда не говорила, что за кладбищем кто-то живет. Я думала, что село заканчива-

ется нашим домом.

Подойдя к дому близко, я хотела заглянуть в окно, встала на цыпочки, но не дотянулась. Я оглянулась вокруг и увидела несколько речных камней, которые валялись рядом. Подняла один – он был холодным и тяжелым, с верхней стороны покрытый мхом. Он, наверное, давно здесь лежал, потому что врос в землю. Под ним ползали розовые черви. Когда я дернула камень на себя, черви зашевелились. Ух, я так испугалась, уронила камень сначала. Потом снова его подняла – черви все еще шевелились, раздавленные посередине.

Еле-еле я донесла камень до дома – надо было сделать несколько шагов. Положила его под окно, встала на него и заглянула внутрь. Сначала я ничего не могла разглядеть, потому что в домике было темно, но потом глаза привыкли, и я увидела посередине комнаты большой стол. Только он был не такой, как обычные столы. Он шел с наклоном, как склон, по которому я только что спустилась. Под ним стояли жестяные тазы. На стенах висели какие-то странные железные инструменты, я таких у бабушки никогда не видела. В углу лежали белые и зеленые отрезки ткани. Моя нога сорвалась с камня, нечаянно я ударила рукой по стеклу, и мне показалось, что ткань зашевелилась. Со страху я бросилась бежать, но подниматься по склону было труднее, чем спускаться. Галоши съезжали назад, я боялась оглянуться – казалось, из домика выбежал кто-то завернутый в белую материю и бросился за мной. Кажется, я даже слышала, как стукнула дверь.

Я плакала и кричала. Пока я карабкалась вверх, с ноги слетела галоша, и я побежала в одной. Я кричала так громко, что, услышав мой крик, из дома выбежала мама. Я увидела ее среди камней, когда поднялась по склону. Она бежала, и упавший на шею платок развязался и неся за ней длинным хвостом. Он схватила меня и понесла домой. По дороге она тоже плакала, и я чувствовала, как шевелятся ребра у нее под кофтой.

На следующий день бабушка спустилась по склону вниз и нашла мою галошу. Она запретила мне ходить к тому домику.

* * *

Как бы жарко ни было в горах днем, ночью с вершин на село всегда опускается холод. Этот холод не такой, как в городе. Там можно надеть теплую вязаную кофту и быстро согреться, а в горах холод проходит через одежду. Глиняные полы в домах становятся ледяными. Одного шерстяного матраса не хватает, нужно стелить на пол сразу два.

Я сплю на полу. Вся наша семья спит на полу. У бабушки есть кровать, но ей тоже на полу удобней. Лежа ночами на шерстяном матрасе, я всегда вспоминаю историю про храбреца, которую мне рассказал дедушка. Повелитель одной страны обещал выдать свою дочь за того, кто сможет провести ночь в горах – на самой снежной вершине. С со-

бой можно было взять только сорок одеял. Многие хотели жениться на прекрасной дочери повелителя и уходили ночевать в горы. Все они стелили на землю одно одеяло и накрывались остальными. К утру они умирали от холода. Но однажды переночевать в горах вызвался один храбрец. Он постелил на землю тридцать девять одеял, а укрылся последним. Всю ночь ему было тепло, потому что он был хорошо защищен от холода, поднимающегося от земли. Утром храбрец женился на красавице и получил за нее богатое приданое.

Ранним утром в селе холод всегда борется с жарой. Жара побеждает, когда петухи давно прокричали, а женщины уже возвращаются с родника. Мне нравится запах сельского утра, звуки проснувшихся дворов. Пахнет костром, горячими лепешками и чистой водой из реки. За воротами журчит канава. Она течет от одного конца села до другого – мимо каждого дома. Из нее пьют воду гуси и куры, в ней моют посуду. Грязь с тарелок бежит от первого дома до последнего.

Больше всего я люблю те утра, когда бабушка уходит в сад печь хлеб. Она садится на землю возле глиняной печки под навесом, кладет на колени большой деревянный круг и раскатывает на нем тесто. Круг из теста у нее получается как солнце, когда оно всходит и заходит.

Говорят, моя прабабушка – бабушкина мама – могла за одну минуту раскатать сразу два круга на хинкал. Она клала один кусок теста на другой, посыпав между ними муку, и

раскатывала. Оба круга получались очень ровными. Сейчас так уже никто не может, даже бабушка.

Круг, раскатанный на хинкал, должен быть ровным и тонким, без складок. Потом тесто нарезают мелкими квадратами и бросают в кипящий бульон. Когда в дом приходят сваты, они первым делом просят невесту приготовить хинкал, и женщины со стороны жениха следят за тем, какой у нее получится круг.

Раскатав круг на хлеб, бабушка обмазывает его топленым маслом и много раз протыкает куриными перьями, связанными в пучок. Потом кладет круг на железный лист, а лист — на круглую печку, которую дедушка сделал из глины. В печке горит хворост, и лист нагревается. Бабушка раскатывает еще один круг и переворачивает лепешку. Пахнет хлебом. Как я люблю этот запах, вперемишку с костром и утром! Вперемишку со всеми звуками, которые приходят с гор. Если кто-то крикнет за горой или замычит скотина, горы изменят этот звук, но все равно донесут его до села.

Наш сад, как и сады остальных сельчан, заканчивается высоким обрывом, за которым глубоко внизу течет речка. В ней много скользких камней, она неглубокая, но очень быстрая. И днем, и ночью мы слышим, как она бежит. Мы давно привыкли к этому звуку и перестали его замечать. Когда бабушка отрывает мне горячий кусок первой лепешки, кажется, что вместе с ним я глотаю и воду из речки, и все звуки села.

Горячие лепешки очень вкусные. Я не мажу на хлеб масло и не окунаю его в пахтанье. Если он горячий, то лучше не портить его ничем.

Я сижу рядом с бабушкой на земле, воздух еще прохладный, но лучи солнца уже нагревают спину. Гора готовых лепешек, которые бабушка складывала одну на другую, выросла до ее колен, тогда мы почистили деревянный круг и скалку, вымыли таз и ушли в дом. Бабушка несла лепешки, завернутые в полотенца.

Потом она слила в большой глиняный кувшин с двумя ручками по бокам молоко, которое коровы дали утром. Молоко нельзя было оставлять до вечера, оно бы скисло. Бабушка заткнула горлышко кувшина пробкой, и мы качали его из стороны в сторону, сидя, поджав ноги, на циновках напротив друг друга. Бабушка наклоняла кувшин ко мне, а я – к ней: туда-сюда, туда-сюда. Я не любила сбивать масло – скучно только сидеть и качать кувшин. Через три часа, когда моя рука уже занемела, бабушка вытащила пробку и собрала с поверхности сбитого молока желтое масло. Получился комочек размером с голову ягненка. Бабушка разлила пахтанье по тарелкам, и мы позавтракали, окуная в него куски лепешки. Бабушка от старости потеряла много зубов, ей было уже больше сорока лет. Замуж она вышла в четырнадцать. Когда мне было шесть, моей маме уже исполнилось двадцать пять, и бабушка говорила, что такую старую женщину никто не возьмет замуж во второй раз.

– Ты, наверное, жалеешь, что я не овдовела раньше? – однажды спросила ее мама.

– Астагфирулла! – бабушка замахала на нее руками.

Она накрошила лепешку в пахтанье, чтобы размокла. Намазала мой кусок маслом. Я не любила сельское масло, от него пахло коровой. В городе мы с мамой покупали масло в бумажной упаковке, оно было вкусным. После мы пили чай вприкуску. Железными щипцами бабушка расколола кусок сахара на несколько частей, мне отдала две. Я положила один кусочек в рот и медленно его рассасывала, запивая мелкими глотками чая. Он весь растворился, когда мой стакан еще был наполовину полон. Бабушка говорила, что сахар надо экономить, поэтому один стакан надо пить только с одним кусочком. Когда мы жили в городе, отец покупал мне карамель и батончики. Батончики я любила больше всего. Наверное, год я училась сохранять на языке сахар до последнего глотка. Однажды бабушка принесла на спине из магазина целый мешок кускового сахара, но я не могла его отыскать – она всегда прятала сахар от меня.

* * *

Моя жизнь до сегодняшнего момента состоит из трех частей. Детство – пока мы жили с мамой, потом – пока мамин брат Хаджи-Мурад не вернулся из армии и не женился на тете Надире, и вот, наконец, та часть, которая началась

несколько месяцев назад и длится до сих пор. Я напоминаю себе канатоходца, который без страховки прошел по канату две части пути и не знает – сорвется он в конце или нет.

Однажды канатоходцы – по-нашему, пехлеваны – приехали к нам в село. Помню, все село, даже женщины побросали свои дела и побежали на поляну за родником, где уже натянули толстую веревку, привязанную к деревянным высоким столбам. Люди сели в полукруг и радостно переговаривались между собой. Мужчины хлопали в ладоши, издавали короткие хриплые звуки, подбадривая пехлевана, стоящего на канате с длинным шестом в руках. Пехлеван, сгибая колени, раскачивался на канате, шест в его руках ходил вверх-вниз. К рукавам его красной рубахи были привязаны бубенчики, и они звенели от каждого его движения. На рубаху была надета зеленая бархатная жилетка, в которую были вшиты мелкие осколки зеркала. Солнце попадало в зеркало и оттуда било зайчиками нам в глаза. Все смеялись и радовались. Мне тоже было весело, и я ударяла в ладоши.

Пехлеван подпрыгнул на канате, и бубенчики зазвенели сильнее. Он еще раз подпрыгнул и перекувыркнулся в воздухе вниз головой. Когда его ноги коснулись каната, все начали хлопать в ладоши. С земли пехлевану подали короткую стремянку. Он, прислонив шест к столбу, установил ее на канате и держал одной рукой, чтобы не упала. Я не могла поверить, что сейчас он заберется на нее, но мужчины хрипло подбадривали его снизу. Еще держась за стремянку, он по-

ставил ногу на первую перекладину и взобрался на последнюю так быстро, что я не успела вздохнуть. Пехлеван бросил лесенку вниз и, взяв шест, побежал к другому столбу. В конце каната его нога сорвалась, и он чуть не упал. Все громко охнули, и этот звук как будто разнесся по всему селу и горам. Я почувствовала, как у меня внутри вздрогнуло сердце, так я за него испугалась.

– Это он специально, – сказал мне дедушка. – Хороший пехлеван должен уметь падать так, чтобы не упасть. Это сложнее, чем просто бежать по канату.

– Зачем падать? – спросила я.

– Чтобы нас напугать.

– Зачем нас пугать?

– Чтобы мы ходили на его выступления, – ответил дедушка, но тогда из его слов я ничего не поняла – теперь, к сожалению, я понимаю их очень хорошо.

Пехлеван прыгнул на землю, надел маску козы и бросился к толпе. Он вынул руку из кармана, сжимая что-то в кулаке, и насыпал на женщин и детей какой-то розовый порошок. Женщины закричали, а дети бросились убежать. Тогда он подбежал к другому краю – туда, где сидели мы с дедушкой, вынул руку из другого кармана и насыпал на нас голубой порошок. Я сделала вдох, у меня защекотало в носу, я чихнула и заплакала. Пехлеван начал танцевать передо мной, но его лезгинка была не такой, какую танцуют на свадьбе. Он крутил руками и прыгал с такой силой, что напомнил мне

нашу козу, которая однажды стала злой, била нас копытами, и дедушке пришлось ее зарезать. Бубенчики на рукавах пехлевана звенели и звенели, я закрыла уши руками. Зажмурилась, чтобы не видеть лица козы перед глазами.

– Не бойся, – сказал дедушка, – это толокно.

Пехлеван-коза еще танцевал, сильно выворачивая руки, все смеялись и хлопали, но я больше не хотела на него смотреть, он мне больше не нравился, я бы смеялась, если бы он сейчас снова взобрался на канат и упал с него. Если бы он упал и разбился, я бы стояла, смотрела на него и хлопала ладоши. Я встала с колен и побежала по тропинке в село. Я бежала, не останавливаясь, пока не добежала до наших ворот.

Я помню, как в нашем доме начали готовиться к свадьбе дяди. Это было весной. Мне исполнилось шесть лет, и мы с мамой уже почти год жили в селе, значит, со дня смерти моего отца тоже прошел почти год. Сначала мы отправили в дом невесты сватов – наших родственников. Они вернулись с согласием. После сватовства до свадьбы должен пройти год. Я считала время до дядиной свадьбы – лето, осень, зима...

Как только родственники принесли в дом согласие невесты, бабушка начала готовиться. Она поехала в город на грузовике и вернулась оттуда в тот же день вечером с большим кожаным чемоданом. Она поставила чемодан на сумах, растянула на нем молнию и начала вынимать из него вещи –

длинные шифоновые и капроновые юбки, шелковые платки и очень красивые кофты с длинными рукавами. Мама принесла из нашей комнаты коробку с духами. Их ей подарили на свадьбу восемь лет назад. Женщины часто получают в подарок духи, но они ими не пользуются, хранят для будущих невесток или передаривают кому-то другому. Был случай, когда одна женщина хранила духи, привезенные ей на свадьбу из Турции, потом подарила их своей невестке. Та открыла флакон, а он оказался уже пустыми – духи высохли.

Еще бабушка привезла из города много полотенец, ситцевых и капроновых отрезков, куски мыла в красивой упаковке. Я нюхала их через упаковку, они пахли как зефир. Пока не умер отец, я часто ела зефир – он покупал мне его в день зарплаты. Мой отец очень хорошо зарабатывал, у него была самая лучшая работа.

Я хотела помыться таким мылом – наверное, после него кожа сразу станет гладкой, думала я. Но бабушка не дала мне его, как я ни просила. Мыло и полотенца надо будет дарить родственникам и соседям, которые придут поздравить нас со свадьбой. А чемодан с вещами – невесте. Еще бабушка положила в чемодан золотую цепочку и пять золотых колец. Золото для невестки бабушка собирала всю жизнь.

– Все равно в семью вернется, – сказала она, складывая золото в чемодан.

Когда мама выходила замуж, семья моего отца принесла ей всего два золотых кольца. Бабушка говорила, что от тако-

го позора ей стыдно было глаза на соседок поднять. Но из города приехала бабушкина сестра и привезла с собой еще два кольца. Бабушка надела все четыре маме на пальцы и отправила на родник, чтобы все видели – наша семья не с нищими породнилась.

Бабушка всегда говорила: мой отец матери не пара. У его семьи никогда не было ни нормального кола, ни нормального двора. И если его мать выходила замуж в одном золотом кольце, то для своей дочери бабушке такого позора не надо, потому что от людей стыдно. Все село до сих пор вспоминает, как мать моего отца выходила замуж в одном кольце.

С тех пор как умер мой отец, я ни разу не видела родственников с той стороны. Я плохо помню свою другую бабушку. Почему-то, когда я думаю о ней, мне всегда вспоминается ее длинная синяя юбка с выбитыми узорами и голубые глаза. Когда она на меня смотрела, мне казалось, что на мою спину льют холодную воду из родника. У моей бабушки с той стороны было двенадцать детей, и она не помнила всех своих внуков.

Бабушка с этой стороны говорила, что они бы меня матери не отдали, если бы я была мальчиком. По нашим обычаям, родственники мужа могут забрать детей у жены, если он умер. Но, к счастью, я родилась девочкой и осталась с мамой.

Когда мой прапрадедущка был убит на войне с урусами, его родственники выгнали прапрабабушку из дома, забрали у нее скотину и ковры. Прапрабабушка могла взять с со-

бой только одежду. Когда из Кумуха, где имам Шамиль проиграл сражение, вернулся белый конь моего прапрадедушки с пустым седлом, все женщины окружили его и кричали: «Хаджи-Мурад погиб!» Говорили, конь тоже плакал, из его глаз текли слезы размером с монету, но я не знаю, верить ли этому – у нас в селе много лошадей, но я ни разу не видела, чтобы какая-нибудь из них плакала.

Когда прапрабабушка, увидела коня моего прапрадедушки, она сразу порвала на себе платье, потому что в тот день она потеряла не только мужа, но и детей. Моей прабабушке тогда была три года, а ее брату – пять. Родственники прапрадедушки отправили прапрабабушку назад в ее родительский дом, а детей забрали себе. Говорили, у моего прапрадедушки были большие стада и много серебряных монет. Все это и дом досталось в наследство его сыну, прабабушкиному брату. Но он тоже умер через несколько дней. Бабушка говорит, дяди его отравили, чтобы оставить монеты и скот себе. Мать бабушки видела, как он умирал, она ей рассказала. Он плакал и просил дать ему воды из маминого чайника, но мою прапрабабушку не пустили к нему. Говорили, она пришла в пустой дом, из которого уже забрали все ковры, сумахи, матрасы и циновки, сидела на голом глиняном полу перед станком с незаконченным ковром и долго смотрела на узоры ковра. Она хотела плакать, но перед родственниками мужа было стыдно. Когда ее сына похоронили, ей стало можно приходить к нему на могилу. Она приходила туда часто, а

потом родители снова выдали ее замуж, и она перестала ходить на кладбище. Моей прапрабабушке еще повезло, ведь она была очень старой, когда ее выдали во второй раз – ей исполнилось уже двадцать.

Иногда, когда я находила на старом кладбище маленький камень, я представляла, что под ним лежит прабабушкин брат. Я даже плакала возле этого камня и, пока бабушка не видела, приносила из дома полный эмалированный чайник и лила воду на камень.

– Пей, – говорила я, – это чистая вода, не бойся.

У нашей семьи есть одна тайна, ее хранит старая яблоня в саду родительского дома прабабушки. Если будет время, я ее открою.

До свадьбы дяди оставался год, а бабушка уже начала по вечерам вязать носки из ковровых ниток на трех спицах. Эти носки были похожи на маленькие сумахи – ярко-красные с синими и желтыми узорами. Иногда к носкам пришивают кожаную подошву, чтобы служили дольше. Таких нужно было связать много, ведь бабушка будет дарить их гостям, а на свадьбу придет все село, приедут родственники из других сел. Если кого-то не позвать, обидятся. За полтора месяца до свадьбы мой дедушка начал ходить по домам, чтобы передать приглашение. Если пропустить хоть один дом, обида будет на всю жизнь, и здороваться перестанут.

В том году ураза-байрам пришел в конце апреля. Все от-

крывали уразу, готовили много чуду с мясом и курзе с мокрицей и пастушьей сумкой. Траву мы собирали у нас в саду под фруктовыми деревьями. Особенно много было мокрицы. Мы собрали три чана травы, перебрали ее, очистили от корешков, хорошенько промыли. Мама мелко нарубила траву ножом, добавила сырые яйца, толченный грецкий орех. Бабушка раскатала тесто, вырезала из него стаканом кружляшки, и мы лепили курзе с травой.

– Только урусы не умеют лепить курзе, – говорила бабушка, – они лепят пельмени.

Я тогда не знала, кто такие урусы, у нас в селе урусы не жили, но я тоже не умела лепить курзе. Нужно было так соединить края теста, чтобы получилась косичка. Трава давала сок, тесто намокало, и лепить становилось еще трудней. Я боялась: если не научусь лепить курзе, то превращусь в уруса. Бабушка смеялась и говорила: «Если не научишься, никто замуж не возьмет. Будешь как Нажабат».

Нажабат жила в соседнем доме. Ей было двадцать восемь лет, она была очень старой. В молодости к ней посватался парень из соседнего дома с другой стороны. Это был такой позор для ее родителей, потому что эти две семьи всегда дружили. У них во дворе была общая калитка.

– Совести у них нет, у этих Улубековых, – сказала бабушка, быстро работая пальцами: за минуту она могла слепить десять курзе. – Так опозорили Нажабат, что больше никто не захотел на ней жениться.

Если бы между дворами не было калитки, родители Нажабат могли бы согласиться. Но калитка была, в детстве Нажабат с тем парнем бегали через нее и играли в одном дворе, поэтому он был ей как брат. Какой позор жениться на девушке, которая тебе как сестра! Грех какой! Когда Улубековы опозорили наших соседей сватовством, их сыну пришлось уехать из нашего села, потому что на годекане старики его осудили. А Нажабат прятала свой позор дома и редко выходила на родник. Ее братья забили калитку гвоздями и перестали здороваться с Улубековыми.

Через несколько лет тот парень вернулся из России. Он так разбогател, что начал строить кирпичный дом. Он мог взять любую девушку, и любая бы с радостью пошла за него, но он снова прислал к соседям родственников и дорогие подарки. Говорили, среди подарков было даже кольцо с большим красным камнем. Их семья согласилась, хотя Нажабат уже была старой девой и ухаживала за детьми братьев. Старики на годекане ругались и качали папахами недовольно – зачем такой позор на наше село? Если в другом селе узнают, то будут смеяться над нашим селом. Зачем нам это? Но Аллах этих Улубековых наказал, и правильно сделал. За несколько дней до свадьбы тот парень утонул в реке – и правильно ему. Его кирпичный дом так и остался недостроенным. Братья Нажабат опять перестали здороваться с Улубековыми. Теперь, встречая друг друга на дороге, они все время отворачиваются и смотрят в сторону, как будто видят там

что-то интересное. Клянусь Аллахом, я тоже туда смотрела – ничего интересного там нет!

Ой, как я боялась стать как Нажабат. Я очень старалась слепить косичку.

Мама готовила чуду – раскатывала маленький тонкий круг, клала на него фарш, закрывала другим тонким кругом, защипывала края, жарила на сковороде и обмазывала маслом.

Ураза-байрам – это большой праздник для нас, потому что в домах много еды и сладкого. Бабушка принесла из магазина большую коробку пряников и полмешка карамельных конфет. Она поставила их у двери, и на другой день утром, когда к нам пришли дети из других домов с пакетами в руках, она насыпала всем конфет и дала по прянику.

– Иди вместе с ними, – сказала она мне.

Я тоже взяла пакет и пошла. Дождей давно не было, и дорога засохла как есть – со следами от коровьих копыт, галош и телег. По бокам появилась молодая трава, и горы тоже позеленели.

Честное слово, как не люблю я смотреть на горы зимой – они бывают серые, невеселые, как дед Ахмед, который с утра до вечера сидит на годекане. Зимой они похожи на старую папаху со свалявшейся шерстью. У дедушки тоже такая. В детстве я расчесывала ее и завивала пучки шерсти пальцем, но она не становилась кучерявой – слишком давно был зарезан баран, из которого ее сшили.

Когда возвращается солнце, уходит снег и горы снова распускаются, мне кажется, у меня внутри играет музыка. Я могу петь весь день.

Мы стучали в дома, начиная от нашего, не пропускали ни одного, и прошли все село до дома генерала Казибекова. Как только нам открывали дверь, мы протягивали пакеты и поздравляли с праздником. В наши пакеты сыпались печенье и конфеты, иногда среди них попадались шоколадные. В доме генерала его жена насыпала в наши пакеты зефир. Я понюхала его, он пах как мыло, и сразу съела. Бывает же, некоторые люди живут так хорошо, думала я, у них есть зефир. Наверное, у генерала такая же хорошая работа, какая была у моего отца.

В те дни я ела так много, что мне было тяжело носить свой живот. Я ела и ела, потому что знала: в другие дни столько вкусного не будет и придется есть только лепешку с пахтанием днем и хинкал на бульоне вечером. Очень большой и хороший праздник – ураза-байрам.

* * *

Мой дедушка работал начальником почты – в том же доме, где магазин, в центре села. Дедушка сидел в маленькой комнате за большим столом. Стол покрывали конверты. Еще там стоял телефон с крутящейся ручкой, но трогать его дедушка не разрешал. Однажды я взяла стопку конвертов, об-

лизула края и заклеила их. Дедушка меня сильно ругал. Под столом стояли стопки одинаковых зеленых книг с золотистыми буквами, перевязанные бечевкой. Я развязала одну стопку, вытерла с верхней книги пыль, открыла ее и водила пальцем по буквам.

– Это собрания сочинений Толстого, – сказал дедушка.

– Кто такой Толстой? – спросила я.

– Это урус-писатель. Он написал все эти книги.

Один так много написал, подумала я.

– А у нас в селе нет писателя? – спросила я дедушку.

– У нас нет, в другом селе есть Сулейман Стальский, но он уже умер.

– Значит, его нет, – сказала я.

– Его нет, но есть его книги. Научишься читать – почитаешь.

В том году я еще не пошла в школу, хотя мама хотела, чтобы я училась.

– Вот ты училась, что хорошего тебе это принесло? – спрашивала бабушка маму.

Мама с бабушкой не спорила, но когда в сентябре все пошли в школу, она взяла меня за руку и тоже туда отвела.

Я зашла в класс вместе с другими детьми и села за первую парту. Когда появился учитель, мы все встали, а мальчики сняли шапки.

Мне очень нравилось, когда звенел звонок. Вместе с ним у меня внутри все пело. Учитель рисовал на доске мелом, в

открытое окно залетела стрекоза и полетела по классу. Она была такой красивой, с блестящими крыльями. Я побежала за ней, хотела поймать. Стрекоза поднялась выше и полетела к доске, я прыгнула, как могла высоко.

— Что ты делаешь? — спросил учитель. Он перестал рисовать и смотрел на меня строго.

— Ловлю стрекозу, — ответила я.

— Иди домой, — сказал он. — Придешь через год.

Когда я вернулась домой, мама ткала сумах. Ее тонкие пальцы быстро бегали по натянутым ниткам. Она увидела меня и встала с пола.

— Учитель меня прогнал, — сказала я.

Мама обняла меня и заплакала, и я снова чувствовала, как шевелятся ребра у нее под кофтой. В тот день бабушка дала мне большой кусок сахара.

* * *

Однажды все утро у соседки Салихи кричала корова — у нее в животе теленок повернулся не в ту сторону и не выходил. На печке стояла большая кастрюля с бульоном, из нее поднимался жирный пар. Бабушка катала тесто на хинкал.

— Иди, да, — сказал ей дедушка. Коротким ножом он вырезал из деревяшки ложку. У нас уже был целый мешок таких ложек. — Еще двадцать минут назад Муслим говорил, что зарежет ее, пока не издохла.

– Астагфирулла, – сказала бабушка, завязывая на лбу косынку.

Нам всем надоело слушать, как кричит корова.

Бабушка умела засовывать руку коровам и овцам в живот. Мама забрала у нее скалку и сама начала катать круг. Говорят, когда мама меня рожала, бабушка тоже засунула руку к ней в живот и вытащила оттуда меня. Мама не была такой сильной, как бабушка. Я потрогала свой живот. А вдруг у меня там тоже кто-нибудь есть?

– Мама, почему из тебя больше не выходят дети? – спросила я.

Мама покраснела, а дедушка стукнул меня по лбу ложкой. Я заплакала, так мне было обидно, а потом забыла – все равно не больно.

– Завтра Курбановы придут. Надо барана зарезать, – сказала бабушка, бросила взгляд на маму и вышла.

– Иншалла, – сказал дедушка.

Они ждали Курбановых из соседнего села. А мама не хотела, чтобы они к нам приходили. Я тоже не хотела – сама не знала почему.

Я чистила чеснок. Это всегда было моей работой. Все ели хинкал, а чистила чеснок я одна. Снимала с него шелуху и давила в большой деревянной ступе. Как мне это надоело! Лучше бы я делала что-нибудь другое – от моих рук каждый день пахло чесноком.

– Иди, да, – сказал мне дедушка, – принеси там со стола

мой табак.

По узкой лестнице я поднялась на второй этаж за табаком. Уже хотела взять его со стола и бегом спуститься вниз, но тут меня кто-то позвал:

– Хадижа...

Я обернулась. Никого в коридоре не было. Только сквозняк поднял занавеску на двери бабушкиной комнаты.

– Заходи, – позвал голос оттуда.

Сначала я не хотела, но голос звал меня и звал.

– Нельзя, – сказала я. – Бабушка не разрешает заходить в ее комнату без спроса.

– Зайди... – повторил голос.

Теперь я знаю, что это был шайтан. Он меня заставил совершать плохие поступки. Бабушка говорила, что иногда шайтан выбирает людей, которые плохо себя ведут, и начинает их звать. Но когда слышишь, как кто-то зовет тебя незнакомым голосом, нельзя отзывать, нельзя даже оборачиваться. Это шайтан! Временами я слышала, как он зовет меня: «Хадижа! Хадижа!» Ой, как я пугалась! Что ему от меня надо, не понимала я. Что он ко мне пристал? Бабушка сказала, он выбрал меня потому, что я ем еду с чужих могил. А зачем тогда ее кладут на могилы? Я думала, ее кладут, чтобы брали.

Когда шайтан позвал меня в первый раз, я перестала брать еду покойников. Бабушка дала мне маленький камень с речки, его мулла заговорил от шайтанов. Когда шайтан зовет,

надо этот камень трогать. В этом камне живет сура из Корана. Шайтаны боятся сур. Я потеряла камень на другой день, но бабушке не сказала – она бы побила меня палкой. Иногда я проходила между могил и видела, как муравьи едят печенье и даже шоколадные конфеты, но, с тех пор как меня позвал шайтан, я к этой еде даже не притрагивалась. Я думала, он давно отстал от меня, потому что хорошо себя вела. Я даже забыла про него, честное слово. Откуда я знала, что это он зовет меня в бабушкину комнату?

Отодвинув занавеску, я вошла в комнату. На полу был постелен сумах. У стены стоял большой сундук, там бабушка прятала отрезы и подарки для невесты. Еще был стол с очень красивой хрустальной вазой и ненастоящим букетом. У окна стояла большая кровать, накрытая блестящим покрывалом с оборками. На кровати никто никогда не спал, она стояла для красоты и чтобы от людей не стыдно было: а то скажут, наша семья не может даже кровать купить. Такие языки у наших соседей. Я мечтала полежать на этой кровати, но бабушка не пускала – чтобы не испортить покрывало. И я бы ни за что на нее не легла, если бы шайтан не приказал мне:

– Ложись!

Я быстренько легла на кровать. Как было мягко, я несколько раз покачалась на ней, как на волнах. Раньше мы жили в Махачкале, и папа несколько раз брал меня на море. Он брал меня за руки, и волны качали меня, как бабушкина кровать. Ой, так было непривычно лежать выше пола! По-

том я быстренько встала и поправила покрывало, чтобы не видно было. Я хотела уже уйти, но заметила на стенке еще одну занавеску.

– Открой ее! – приказал мне шайтан.

Я подошла к занавеске, отдернула ее. В стене была дырка, и в ней стоял целый мешок сахара! Вот куда бабушка прятала его. Честное слово, я не хотела брать сахар! Клянусь Аллахом, я не воровка! Это все он – шайтан. Он приказал мне.

Я открыла мешок, схватила несколько больших кусков сахара, сунула их в карман и выбежала из комнаты. Как раз вовремя – корова замолчала. Я закрыла уши руками и сказала шайтану:

– Не говори больше со мной! Отстань от меня! Не хочу! – Я быстро-быстро мотала головой, чтобы его слова больше не попадали мне в уши.

Я схватила со стола в коридоре дедушкин кисет и спустилась на первый этаж.

– Тебя только за смертью посылать, Хадижа, – сказал он и взял кисет желтыми пальцами.

Скоро вернулась бабушка. Корова издохла. Соседи не успели ее зарезать. Столько мяса пропало.

– Не повернулся теленок, – сказала бабушка. – Салиха говорит, Абидат корову сглазила. Какой у нее глаз, между прочим, нехороший, – продолжила бабушка. – Салиха говорит, вчера она ее встретила на дороге, и та ей: «Какая у тебя корова жирная, завидую я тебе, Салиха». Почему «машалла»

не сказала, я тебя спрашиваю? У-у, специально не сказала, чтобы сглазить. Надо было сразу корову к мулле отвести. Ты помнишь, как она Алишкину дочку сглазила? Какой у нее горб вырос! Теперь ни туда ни сюда. Я Алишке говорила: не пускай ее в дом. Уй, какой у нее, у этой Абидат, глаз... Ноги ее в моем доме не будет.

– Иншалла, – сказал дедушка, который тоже недолюбливал Абидатку.

Мы сели на пол вокруг клеенки. Мама достала из кастрюли хинкал, положила его в большую тарелку, добавила масло и чеснок. Мы брали хинкал вилками и макали в аджику.

– Еще, помнишь, я тебе говорила, как видела ее там, за кладбищем? – Бабушка подала дедушке большой кусок мяса с костью. – Что она там делала, я тебя спрашиваю? Как раз в тот день Камал умер, а ей он не родственник. И потом на сороковой день сразу ее свекор умер. Астагфирулла, какой здоровый он был. От чего умер? Почему умер? Клянусь, я знаю!

– От чего, женщина? – спросил дедушка, высасывая из кости мозг.

– А вот от того, – ответила бабушка, понизив голос. – Воду, в которой покойника мыли, взяла, лепешку на ней замесила, свекра накормила, и все.

– Астагфирулла! – Дедушка бросил кость на тарелку. – Женщина, дай спокойно поесть! Надоели мне твои сплетни!

Иди с соседками судачь! Ни на секунду рот не закрывает, вах... – Он снова взялся за кость.

– Не бери с нее пример, лучше молчи, как твоя мать, – сказал он, повернувшись ко мне. – А-то бу-бу-бу, бу-бу-бу – без конца. Не бывает же так!

– Дедушка, а кто живет в том доме за кладбищем? – спросила я.

– Ты смотри на нее! – махнула рукой бабушка. – Я в твоём возрасте глаза не могла на отца родного поднять, а она тут разговаривает! Молчи, кому сказала!

Бабушка пожала плечами и сунула в рот хинкал.

Уй, как я боялась теперь ходить на кладбище. Если Аби-дат туда ходит, я больше в жизни туда не пойду. И лепешку у нее никогда не возьму! В нее точно вселился шайтан! Я вспомнила про сахар в кармане и потрогала его рукой – четыре больших куска. Бабушка изобьет меня, если узнает, что я его своровала.

– Что там у тебя в кармане? – спросила бабушка.

Она все видит.

– Это камень от шайтанов, – наврала я.

– Правильно, носи его всегда с собой. Если увидишь Аби-дат на дороге, сразу потрогай камень, и ничего не будет. Повторяй всегда «Бисмилляхи рахмани рахим». Деда Ахмеда только эти слова спасли.

– Бабушка, почему они деда Ахмеда спасли?

– Может, хватит сказки на ночь рассказывать? – недоволь-

но сказал дедушка.

– Какие сказки? Правда это! Один раз такое было: уснул дед Ахмед, а посреди ночи – стук в дверь. Открывает – сосед там. Что такое, спрашивает. Тот говорит: иди, мол, за мной. Пошли они, пошли по дороге, за село вышли, речку перешли, на поляну вышли. А на поляне – шум, гам, музыка, все село собралось, как будто пехлеваны приехали. Скатерть на земле расстелена, на ней еды – сколько хочешь. Дед Ахмед взял хлеб и уже хотел откусить, но по привычке сказал: «Бисмилляхи рахмани рахим»! Аха, и вот тут, в этот самый момент, просыпается он и видит, что один на поляне сидит, а в руке у него не хлеб, а лепешка навоза... Аха-ха, вот как шайтан его туда завел, а молитва спасла. Короче, вот такое с дедом Ахмедом было.

«Бисмилляхи рахмани рахим», – повторила я про себя и потрогала сахар.

А вдруг он сейчас тоже превратится в навоз, подумала я. Ой, как мне стало страшно. Незаметно я ковырнула один кусок ногтем, потом вытащила руку из кармана и облизала палец – он был сладкий.

После хинкала мы пили чай вприкуску. Бабушка принесла вазочку с мелко наколотым сахаром и поставила ее посередине клеенки. Ну почему она такая жадная? У нее в комнате целый мешок!

Я протянула руку и взяла один кусочек, хотя у меня в кармане лежало четыре больших. Я выпила с ним целых два ста-

кана, и бабушка хвалила меня за это.

Она достала из кисета, который всегда висел у нее на поясе, щепотку табака и засунула ее в нос. Ее нос покраснел, как недозревшая слива. Мы с мамой всегда хохотали, когда она чихала.

– Закрывайте рот, когда смеетесь! – ругалась бабушка. – Шайтан залетит!

Никто ничего не заметил...

* * *

– Дедушка, а Бог есть? – спросила я утром дедушку по дороге на почту.

– Есть, – сказал дедушка.

– А шайтан есть?

– И шайтан есть.

– Дедушка, а где он живет?

– Нигде. Туда-сюда по свету ходит. Своего дома у него нету.

– А в наше село он откуда пришел?

– С войны пришел. Вон видишь те горы? – Дедушка показал желтым пальцем на передние горы, которые начинались за родником. – Там сейчас война идет. Там наши братья живут, считай что родственники наши. Их там сейчас много-много убивают. Столько там сейчас всего темного, что шайтаны туда со всего мира слетелись. Шайтанам хорошо

там, где людям плохо.

– Дедушка, а кто наших братьев убивает?

– Урусы убивают.

– А кто такие урусы?

– Это другие люди, в России они живут.

– А Россия – это за какими горами?

– Там – далеко. – Дедушка махнул рукой. – Это в Москве.

– Дедушка, а ты был в Москве?

– Вах, что я – по телевизору Москву не видел?

– Дедушка, я тоже хочу Москву посмотреть.

– Тебе это зачем надо? Тебе это не надо. Вырастешь, замуж выйдешь. Москва тебе не нужна. Ничего там хорошего нет. Женщине что надо? В своем родном селении жить, за мужем ухаживать, детей воспитывать. Это мужчины пусть туда-сюда едут, деньги зарабатывают.

Я помню, как в тот день было жарко. Мы зашли в магазин, и дедушка купил мне ирис «кис-кис». Конфеты так расплавились от жары, что я еле сняла с них обертку. В магазине было столько мух, я поэтому не люблю летом туда заходить. На потолке висели липкие ленты. Ой, сколько мух на них прилипло! Я хотела спасти одну, она была такой жирной и громко жужжала. Наверное, недавно прилипла. Я представила, что было бы, если бы я сама была мухой, прилипла к ленте, и ни туда, ни сюда. Как мне жалко ее стало, честное слово! Я взяла ее пальцами, чтобы спасти, и дернула. Я подкинула ее на ладони, но она не полетела – упала на пол. Ока-

зывается, ее лапы остались на ленте. Бывает же... Я смотрела на муху, как она дергается на полу. И тогда шайтан снова заговорил со мной.

– Раздави ее, – сказал он.

– Пусть живет, да, – ответила я.

– Раздави! – сказал шайтан.

Я наступила на муху галошей. Зачем я ее только снимала с ленты!

На почте никого не было. Дедушка подогрел кипятивильником воду в банке и налил чай в стаканы – мне и себе. Вернее, себе и мне – дедушка главный.

– Ешь ирис, – сказал он. – Не говори бабушке, что я тебе купил, – бубнить будет.

Я залезла под стол. Там до сих пор лежали зеленые книги.

– Дедушка... – позвала я.

– Хой.

– А Толстой плохой, да?

– Почему плохой?

– Урус же, ты говорил.

– Вах, что ты ко мне привязалась! Дай работать спокойно!

Это хороший урус.

– Дедушка, а можно я тогда с собой одну книгу возьму?

– Тебе зачем? Ты читать не умеешь. Это генерала Казибеева книги. Он их заказывал. Приедет из города – заберет. Поставит у себя дома в стенке для красоты. Красные книги он уже заказывал, теперь ему зеленых не хватает.

Когда я пришла к дедушке на почту в другой раз, книги уже забрали.

У нас дома вообще нет книг, только Коран и мои учебники. Бабушка говорит, для того чтобы удачно замуж выйти, книг читать не надо – умная будешь, никто жениться не захочет. Я читала Толстого в школе. Мне не понравилось. Он тоже плохой урус. Теперь я точно знаю, что среди урусов нет хороших.

* * *

Дедушка говорит: воровство – самый страшный грех. Дедушка говорит: раньше за воровство руку отрубали. Дедушка говорит: за воровство Аллах накажет. Тогда почему Аллах до сих пор не наказал Айку – дочку Салихи? Она украла мои новые галоши. Пришла в своих старых, разулась у нас на крыльце, а уходя, обула мои новые. Бабушка только приехала с базара и привезла мне черные, а внутри бордовые галоши. Я их и дня не успела поносить, как пришла эта Айка и украла их, бессовестная.

Я вышла идти за водой – нет моих галош. Вместо новых стоят очень старые, стоптанные. Я сунула в них ногу, они мне большие, на пятке не держатся. Куда я в таких пойду? Я так радовалась новым галошам, так радовалась, что теперь от обиды расплакалась. Почему Айка должна ходить в новых галошах, а я – в старых? Это же моя, а не ее бабушка купила

их. Почему бы Аллаху было не наказать ее прямо сейчас? Почему он не может превратить ее в камень? Я бы очень обрадовалась, если б Айка стала камнем.

Вы думаете, люди не превращаются в камни? Клянусь мамой! У нас за пшеничным полем есть другое поле. Так вот там как раз и стоят такие камни – большой и маленький. Раньше, очень давно, наши люди, которые уже сколько-то веков назад умерли и даже неизвестно, где похоронены, молились по-другому. Как – точно сказать не могу, но слышала, как будто они поклонялись огню и солнцу. Как будто у них был священный огонь, который никогда не потухал, и какой-то бог у них был свой – с птичьими крыльями. Прости меня, Аллах, что я говорю такие вещи – я же просто рассказываю, я же ничего плохого не делаю: это они верили, не я.

И вот в один день пришли сюда другие люди, которые молились по-своему, они захотели, чтобы наши люди тоже молились по их обычаям. Не все наши захотели, началась война, а один человек, который был как наш мулла, но не мулла, взял свою маленькую дочку и побегал от этих людей по полю. По дороге дочка отстала, она не могла быстро бежать. И тот человек остановился, посмотрел по сторонам – за ними всадники с острыми мечами гонятся. И солнце еще светило. Он поднял руки и крикнул солнцу: «Спаси нас! Я не хочу молиться по их обычаям!» И солнце взяло и превратило их в камни. До сих пор они там, за пшеничным полем, стоят. У большого камня руки есть, вверх они торчат.

Я к ним подходила один раз, там еще рядом священное дерево растет, на него ленточки надо завязывать, чтобы желание исполнилось. Я загадала, чтобы папа вернулся. Не сбылось.

Как мне страшно было, что эти камни оживут! Кажется, большой камень даже открыл глаза и посмотрел на меня. Я убежала.

Еще бабушка один день сказала: «Будешь себя плохо вести, в камень превратишься, как эти неблагодарные. Аллах их покарал за то, что они не хотели принять веру в него».

Но я же верю в Аллаха! Я только прошу, чтобы Он Айку превратил в камень! Я всегда Его о чем-нибудь прошу. Иногда Он исполняет мои желания, а иногда нет. Например, я попросила Его один раз, чтобы мне не взбивать больше молоко, так у меня рука от этого кувшина болит. Назавтра Он исполнил мое желание – корова не дала молока, и бабушка повела ее к мулле. Еще я попросила шоколадных конфет, и на другой день, бывает же, наш сосед дядя Абдулла умер. У него был рак, он целый месяц кричал, хуже коровы Салихи. Потом он умер, и на его могилу положили много конфет. В тот день я объелась – Аллах услышал меня. А если нет, то зачем мы живем возле кладбища?

Но когда я просила, чтобы вернулся мой отец, Аллах меня не услышал. Я Ему каждый вечер говорила: «Не надо мне конфет, я могу сбивать масло каждый день, только пусть папа снова вернется, и мы уедем все в город». И утром я говорю

Аллаху: «Если Ты думаешь, что я люблю конфеты больше, то не надо мне. Больше всего я хочу, чтобы папа вернулся». Ой, как я его ждала. Айка мне сказала: для того чтобы желание исполнилось, нужно тысячу раз сказать «Бисмилляхи рахмани рахим». Я считать не умела, но был один день, когда я про себя только эти слова повторяла. Я думала, даже если больше, чем тысячу, раз скажу, еще лучше, Аллах быстрее меня услышит.

– Ты что весь день молчишь? – спросила бабушка.

А я же не могла ей ответить, я про себя говорила «Бисмилляхи рахмани рахим», надо же было без перерыва сказать тысячу раз, а то заново пришлось бы.

– Слово скажи! – сказала бабушка.

А я же не могла.

– Ва-ба-бай, ты смотри какая, а! Сейчас я возьму свою палку!

А палка у нее в руках была. Уй-й, как она меня стукнула по спине! А мне еще лучше – пусть бьет, думала я, Аллах увидит, как я терплю, и быстрее исполнит мое желание. Честное слово, как я радовалась в тот день, когда она меня била по спине! Я думала, папа прямо сейчас появится и заберет у нее палку. Но он не появился, и я подумала, что, может быть, на другой день появится. Проснулась утром, думаю, он уже сидит на первом этаже на полу возле клеенки, чай пьет вприкуску. Как я побежала вниз! А там одна бабушка на полу сидит и противно лицо морщит, как гармошку, – чай-кипя-

ток из блюда пьет. Как мне обидно стало, если бы вы знали! Может быть, я не тысячу раз сказала? Может быть, меньше, я ведь не умела считать! Даже если я на несколько раз меньше сказала, Аллах же все равно добрый! А потом подумала: может, отец дрова колет в саду или, может, к соседу пошел – соседа он ведь тоже долго не видел.

– Где папа? – спросила я бабушку.

– Вах, какой папа?

– Мой папа!

– Умер же он, – сказала она.

Мне еще хуже стало. У меня в груди как будто чай-кипяток разлился. Поэтому я на бабушку закричала. Если бы не кипяток... Я знала, что на старших кричать нельзя.

– Сама ты умерла! Я тысячу раз сказала «Бисмилляхи рахмани рахим»! Ты все врешь! Я еще раз скажу и загадаю, чтобы ты умерла! Не нужна ты мне! Чтоб ты в камень превратилась!

Я упала на пол и стала биться головой и ногами. Я не чувствовала боли, только кипяток не проходил.

– Айша! Айша! – закричала бабушка. – Хадиже плохо!

Бабушка накрыла меня своей юбкой, а я хотела укунить ее за руку. Не люблю, когда она меня юбкой накрывает. Она схватила меня в юбку, руки мне замотала, как будто я маленькая, подняла с пола. Не люблю я, когда она прижимает меня к груди – от нее всегда табаком воняет.

– Чтоб ты в камень превратилась! Врешь ты все! Не лей на

меня кипятком! Не лей! Не люблю я тебя! Не нужна ты мне! Умри!

– Айша! Айша! Быстро иди сюда, кому говорю...

– Мама! Мама! Бабушка на меня кипятком льет! Больно же говорю!

Я не знаю, почему Аллах меня не слышал, когда я просила Его вернуть папу. Может быть, Он думал, что мне больше нравится жить в селе, чем в городе? Я каждый день говорила Ему, что люблю жить в секции. Что люблю, когда на лифте ехать надо. Когда в кране горячая вода. Вы просто никогда не жили в селении и не знаете, как холодно тут утром и вечером. Особенно зимой! И все лето надо таскать из леса хворост для печки. И как тяжело мыть посуду в холодной воде. Кладешь ее в таз, заливаешь из кувшина. А она же не отмывается! И руки знаете как мерзнут! Знаете, как холодно выходить из дома в туалет. Особенно ночью! У нас же нет городских туалетов, только дырка в земле под навесом. Когда мы только приехали из Махачкалы, я даже провалилась в эту дырку. А она была полной, и я бы там утонула, но успела ухватиться за ее края. И вот так висела и плакала – ноги у меня были испачканы, я держалась локтями за края, из дырки торчала только моя голова. Я так кричала, что бабушка наконец меня услышала. Думаете, мне было приятно, да? Что, Аллах не видел, как это со мной случилось? Потом еще все соседские дети говорили, что от меня воняете. Что, Аллах не знает, как мне было обидно?

Хорошо, я даже согласилась бы, если бы мы жили в селе-нии и я бы сбивала масло, мыла посуду, только бы пусть папа тоже жил с нами. Как я ненавижу его родственников! Они его забрали. Завернули в ковер и забрали.

Когда я видела его в последний раз, они тоже там были. Его мать, моя другая бабушка, сидела в синей юбке рядом с ним на кровати.

– О Аллах, – говорила она, поднимала руки и снова броса-ла их на колени. – О Аллах...

У моего папы была очень хорошая работа – он работал сварщиком и получал много денег. Их всегда хватало на шо-коладные конфеты и зефир. В Махачкале было кафе возле моря, мы ходили туда, и нам приносили очень красивые же-лезные вазочки с мороженым, посыпанным шоколадом. Мой папа был богаче дедушки – ириски я тогда не ела, от них зу-бы болят.

Один день папа вернулся с работы и сразу лег. На другой день приехали эти родственники, и все говорили, что у него солнечный удар. Мама в это время плакала и носила его род-ственникам чай. Потом папу увезли в больницу. Я так ску-чала по нему.

– Мама, я тоже к нему хочу, – просила я.

– К нему нельзя, – говорила мама.

Вечером приходили родственники, и мама готовила им еду.

А потом нас позвали.

Мы зашли в белую комнату. Папа лежал на кровати с открытым ртом, и я слышала, как он дышал. Зачем он так притворялся? Моя другая бабушка уже сидела рядом с ним.

– Папа! – сказала я.

– Иди погуляй. – Она толкнула меня в спину.

Я помню, как зашел белый человек, что-то сказал, и мама уронила на пол носовой платок. Я засмеялась, села на пол, расстелила платок. Я могла его складывать и так, и так... Я играла с платком и смеялась. Пока папа не позвал меня...

– Хадижа...

Меня взяли под мышки и посадили на его кровать. Зачем он так открывает рот, не понимала я. Зачем он смотрит вверх – там же ничего не видно.

– Папа, ты зачем делаешь такие глаза?

– Хадижа... – позвал он опять.

Я думала, что, если буду играть с папой в платок, ему тоже станет смешно. Я взяла платок и накрыла им его лицо.

– А! – крикнула моя другая бабушка, больно схватила меня под мышки и кинула маме.

Я еще подумала: какая она злая. И закричала.

– Унеси ее отсюда! – крикнула другая бабушка.

Мама вынесла меня из белой комнаты, у нее вздрагивала грудь. Но она была слабая, и я сумела вырваться из ее рук, упала на пол и билась головой и ногами. Потом мы сидели на полу и снова играли в платок. Пока из белой комнаты не вынесли ковер. Больше я папу не видела. Неужели Аллах не

мог его вернуть? Почему я должна была любить Всевышнего только за конфеты?

* * *

В доме вкусно пахнет, когда бабушка готовит халву из муки, масла и сахара. А больше ничего в халву добавлять не надо. Только у каждой хозяйки получается свой вкус. У бабушки – самый лучший. Не надо думать, что халву готовить легко. Совсем не легко. Сначала масло кладешь на горячую сковородку – большой кусок. Сыплешь туда муку – сколько, только глаз знает. И мешаешь. И нюхаешь все время. Когда запах говорит, что пора, добавляешь туда сахар и снова мешаешь. Так трудно объяснить, когда сахар сыпать надо, – никто не знает, по запаху определяешь. Но если не вовремя добавишь сахар, халва будет как камень, а халва должна рассыпаться по бокам. Бабушкин нос всегда знает правильное время, наверное потому, что она нюхает табак. Потом халву выкладываешь на тарелки, украшаешь сверху чищенными грецкими орехами, а когда она застынет, режешь ее острым ножом.

Когда к нам должны были прийти Курбановы, бабушка четыре тарелки халвы сделала. А дедушка зарезал барана. Теперь я всегда ухожу в сад, когда дедушка режет барана. У меня был свой баран. Тамерланом его звали. Я его ловила за

ноги и расчесывала. Тамерлан траву любил. Такой он трусливый был – все время тряся, когда я его ловила. У Тамерлана были голубые глаза, а у меня – черные. Когда пошел первый снег, дедушка его зарезал, потому что у Тамерлана был самый жирный курдюк. Я так плакала. Тамерлан тоже не хотел, чтобы его резали, он такой трусливый. А зачем столько ел? Худого бы резать не стали.

– Ему больно будет, – говорила я, когда дедушка крутил ручку желтого камня.

Этот камень стоит у нас во дворе. Желтый. Крутишь ручку, и он крутится. Надо к нему приставить нож, и нож будет острым. Я любила просто так крутить.

– Не будет больно твоему Тамерлану, – сказал дедушка и потрогал ножом свою ладонь. У дедушки на ладонях очень твердая кожа.

– А тебе не было бы больно, да?

– Я же не баран, я человек. Человека резать нельзя, а барана можно. Баран ничего не чувствует, так его Аллах создал, специально чтобы люди его ели, поэтому ему не больно. Когда я скажу «Бисмилля» и поверну его головой в сторону Мекки, ему больно не будет. Чик – и все, – сказал дедушка.

– Дедушка, а если человеку голову повернуть, ему тоже больно не будет?

– Ты что говоришь?! Зачем человека резать?!

– А Тамерлана зачем? Я люблю Тамерлана. С кем я тогда буду играть, да?

- Смотри, сколько у нас баранов. Выбирай любого и играй, – ответил дедушка.
- Я с Тамерланом играть хочу... – сказала я.
- А я хочу шашлык из Тамерлана кушать. Вот посмотришь, какое я тебе самое лучшее место дам. Я знаю у барана такое место... Тебе понравится.
- А почему человек чувствует?
- У человека душа есть.
- У Тамерлана тоже есть душа, я знаю.
- Откуда ты знаешь? Ты что видела, чтобы такие глупости говорить?!
- Я видела! Честное слово, видела!
- Где ты видела?
- Она у него на спине сидела!
- Ва-ба-бай, ну что ты придумываешь? Душа только у человека есть, у животных нет души.
- Дедушка, не режь, да, Тамерлана...
- Это – Аллаху жертва. Садака соседям дадим. Аллах хочет, чтобы мы жертвовали для него.
- Дедушка, возьми, да, другого барана...
- Все! Иди отсюда! Ноет и ноет над ухом! Айша! Забери ее отсюда!

Ой, какой Тамерлан был трус. Дедушка его поймал, когда он с пастбища вернулся, потащил за ноги во двор. Тамерлан встал, ногами затряс и упал на колени. Я убежала в сад. Зачем Аллах постоянно хочет жертву? Почему я не могу играть

с Тамерланом, не понимала я, у него такие красивые голубые глаза? Почему Аллах забирает себе все, что я люблю?

У нас в саду – обрыв. Когда проходишь под туловыми деревьями, яблочными, черешневыми, потом грушевыми и абрикосовыми, темно в саду становится – веток много. После абрикосовых начинается обрыв. Там очень глубоко. Под ним течет речка. Я могу схватиться одной рукой за дерево и наклониться вниз, чтобы посмотреть на нее. К речке можно спуститься – надо пройти все село, дорога будет спускаться, дальше будет дом генерала Казибекова, надо оставить сзади родник, еще чуть-чуть пройти, и будет речка. Уже не высоко, а под ногами.

В тот день, когда дедушка резал Тамерлана, я ничего не боялась. Подошла к обрыву, села прямо возле него: если упаду – ну и пусть. Я не хотела возвращаться домой. Они никогда не делают, что я прошу. Зачем мне туда возвращаться? Я подумала, что можно уйти за другие горы, потом еще за другие. Когда мы ехали сюда из города на маршрутке, мы проехали много гор. Конечно, мне придется долго идти, думала я, но через несколько дней я смогу дойти до города, я помню, где наша секция. Наверное, папа там ждет.

Я послушала речку. У нее был голос, как бабушкина ваза, – стеклянный, круглый и холодный. Один сын наших соседей недавно упал с обрыва – прямо в речку. У него сломались руки, он до сих пор ими не может пошевелить.

Я передумала уходить в город и пошла в дом. Во дворе

было тихо. Дедушка уже куда-то ушел. Я встала под тутовником. Сверху на меня что-то капнуло. Я потрогала на лице – красное. Что это?! И другой раз капнуло. И третий! Это кровь! Кровь с дерева капает! Аман!

– Аман!

– Хадижа, что стало?! – крикнула из дома бабушка.

– Аман!

В дверях появилась бабушка. Она увидела меня и сложила лицо морщинами, как будто чай пила из блюда. Как я не люблю у нее такое лицо. Она открыла рот и засмеялась. Еще говорят, когда дедушка на ней женился, она самая красивая в селе была. Не верю я всему, что люди говорят...

Бабушка показала своим старым пальцем наверх и еще потрогала живот, чтоб было не больно смеяться. Я посмотрела вверх. На ветке висел Тамерлан без шкуры.

Я побежала за ворота и помыла лицо в канаве. В канаве тоже очень холодная вода, особенно зимой.

Вечером дедушка сварил голову Тамерлана. Он сидел на циновке и держал в левой руке голову, по его пальцам тек жир.

– Какое вкусное место, – говорил он, и отрывал правой рукой от головы кожу.

У Тамерлана стали вареные глаза.

– Иди попробуй, – он оторвал мне кусок.

Я взяла его и проглотила.

– Дедушка, дай, да, еще...

– Я же тебе говорил, Хадижа, я самое вкусное место знаю. А то больно, не больно. Конечно, ему не больно. Как только «Бисмилля» говоришь, Аллах сразу усыпляет его, и он ничего не чувствует. Ты же Аллаху жертву приносишь... Аллах сам знает, как сделать... Так мир Он создал. Не мы тут решаем. Мы ничего не решаем, только законы Аллаха соблюдаем. Не нам судить... Ты смотри, как вкусно. Завтра шашлык сделаем, соседям тоже дадим. Остальное я солью посыплю, сушиться повешу... А играй с каким хочешь бараном. Вон у нас сколько баранов.

Больше я никогда не играла с баранами.

* * *

Все наши соседи похожи. Все женщины и мужчины в нашем селе одинаковые. В городе по-другому, там люди разные. Они носят разную одежду, и женщины по-разному распускают волосы. А у нас в селе, когда видишь кого-нибудь издалека на дороге, то, пока совсем близко не подойдешь, не можешь понять, кто идет.

У всех старых мужчин, которые такого же возраста, как мой дедушка, – высокие папахи. Они носят старые пиджаки и галоши. Когда они идут по дороге, то горбятся и закладывают руки за спину.

Женщины тоже горбятся. Когда сенокос, женщины носят сено домой. Привязывают его веревками к спине и несут –

целую гору сена. Я так удивилась, когда первый раз увидела бабушку с сеном. Я стояла у родника и смотрела вниз на дорожку. Вдруг увидела – по ней идет гора сена. Я испугалась – сено само, что ли, ходит? Подождала, пока оно ближе подойдет, посмотрела, а под ним – бабушкина юбка. Бабушка нагнулась низко-низко – сено лежало на ее спине и на голове. Она прошла мимо родника, мимо годекана. Там дедушка сидел с другими мужчинами. И я в тот день поняла, почему все женщины в нашем селе горбятся. Я только не знаю, почему мужчины горбятся.

– Дедушка, почему ты не можешь прямо ходить? – спросила я один раз.

– Долго на этом свете живу, – сказал он. – Прожитые годы дают.

– А на бабушку тоже годы дают?

– Бабушка младше меня. Леня на нее давит, – засмеялся дедушка.

Молодежь в нашем селе одевается по-другому – красиво. Девушки в таких юбках на родник ходят – длинных, блестящих, с оборками, как на бабушкином покрывале. Я тоже хотела такую юбку. Они очень дорогие – эти юбки. Одна наша соседка продала корову, чтобы купить дочке такую. Аман, что это была за юбка! Узкая сверху, широкая внизу и с блестками спереди. Только в ней неудобно было ходить на родник, когда на дороге грязь после дождя, – под галоши подол по-

падает, упасть можно. И воду в кувшин в такой юбке набирать трудно. С галошами тоже не совсем красиво.

– Вот увидишь, она раньше замуж выйдет, чем испортит в грязи эту юбку, – сказала бабушка маме, когда эта девушка проходила с кувшином мимо нас. – Давай мы тоже двух-трех баранов зарежем, мясо продадим, поедем в город на базар, купим тебе юбку крепдешиновую и туфли лаковые?

– У меня есть юбка, – ответила мама.

– Юбка есть – мужа нет! – разозлилась бабушка.

Потом эта девушка быстро замуж вышла, потому что все обратили внимание на ее юбку. Когда девушка хорошо одевается, ее сразу замечают. Хорошо, что у мамы не было красивой юбки.

В тот день, когда пришли Курбановы, бабушка заставила маму надеть синюю юбку – тоже длинную, но без оборок.

Сейчас я не помню лица своей матери и даже не могу представить его, глядя на себя в зеркало, – говорят, я больше похожа на отца. У него были черные волосы и черные глаза. Он был высокий. Жалко, что и его лица я как следует не помню – только открытый рот и глаза, которые закатывались вверх. Но его я помню лучше, чем мать, хотя с ней прожила больше. Может быть, я забыла ее лицо потому, что она всегда молчала. А почему я тогда так хорошо запомнила ту синюю юбку? Эта была обычная юбка, немодная. Мама, наверное, тоже была немодная. Когда она стояла рядом с отцом, сразу становилось заметно, какой у нее маленький рост. Бабушка

говорила, что ее в детстве сглазили и поэтому она не выросла. Мне сейчас тринадцать. Я умею читать и писать. Я уже выше мамы. Хотя я точно не помню, какой у нее был рост.

Теперь я знаю, что в тот день Курбановы приходили свататься к маме. А тогда не знала. Мама не хотела выходить замуж второй раз. Она плакала.

– Умер он! Умер, – говорила бабушка. – Хватит плакать! Мертвые не воскресают, из земли не встают. Ты еще молодая. Тебе замуж надо выйти... Что молчишь, а? Кого ты ждешь? Покойника ждешь?

– Иншалла, на том свете встретимся, – ответила мама.

– Рот свой закрой! – крикнула бабушка. – Бессовестная какая, а! Как я тебя воспитывала?! Плохо воспитывала! На том свете, ты смотри на нее! Ты на этом свете замуж выйдешь, а на том со мной встретишься, когда я умру! У-у-у, какая, ты только посмотри!

Мама стояла возле печки в синей юбке и плакала.

– Ничего, плачь, – говорила бабушка и дышала как чайник, когда он кипит. – Невестам плакать положено. Плачь... Ты видишь, какая твоя мать сумасшедшая? – спросила меня бабушка.

Зачем маме с покойниками встречаться, не понимала я. Зачем она хочет умереть? Она правда, что ли, сошла с ума?

– Мама, я не хочу без тебя жить с бабушкой, – заплакала я. – Она злая, меня палкой бьет. Я с тобой хочу.

– У-у-у, – снова заукала бабушка. – Какие обе неблагодар-

ные, ты только посмотри... Что мать, что дочь. У-у-у...

Не люблю я этот звук. Птица так ночью на дальней горе кричит. Мне страшно всегда бывает, когда слышу. Когда бабушка укает, мне кажется, та птица в кувшин для масла попала и кричит оттуда.

В обед, когда халва уже застыла на тарелках, пришли Курбановы – женщина и мужчина. В соседнем селе тоже жили похожие люди. Они сняли галоши за дверью и вошли в большую комнату. Бабушка встала с подушки, пошла к ним навстречу. Женщина взяла ее за руку, и громко поцеловала в щеку. Она улыбнулась. Я посчитала – у нее было два золотых зуба. Какие, значит, богатые эти Курбановы. У бабушки нет золотых зубов, а пустые места спереди есть.

– Салам алейкум, – дедушка тоже подошел и пожал руку мужчине.

– Алейкум салам, – ответил тот.

Дедушка в тот день надел белую рубашку и сверху пиджак. Они пошли в главную комнату – там было много ковров и ваза с ненастоящими цветами, гостей мы водили туда. Женщина осталась с бабушкой.

– Женщина, еду неси, да, – приказал дедушка добрым голосом. Он всегда притворяется, когда к нам приходят гости.

– Айша... – позвала бабушка.

Мама взяла большую тарелку с мясом и ушла в главную комнату. Эта женщина Курбанова так посмотрела на нее, как бабушка смотрит, когда галоши на базаре выбирает.

Я сидела на полу и играла в платок – раскладывала его и так, и так.

– Говорят, Шапири дочку в город на учебу отправила, в университет, – сказала женщина.

– Аман... – сказала бабушка.

– У ее брата, дяди своего, говорят, жить будет.

– Аха-ха-ха, – кивала головой бабушка, доставая из кастрюли хинкал.

– Это что за девочка? – Женщина подошла ко мне и улыбнулась. У нее было большое круглое лицо и голубые глаза, не как у Тамерлана – другие.

– Айшина дочка, – сказала бабушка.

Она тоже притворялась, как дедушка. Женщина покачала головой.

– Она с нами жить будет, – сказала бабушка.

– А с той стороны родственники не захотели? – спросила женщина.

– Кому такая обуза нужна?

Женщина мне улыбнулась. Что она стоит, не уходит, не понимала я. Я взяла платок с пола и закрыла им лицо, чтобы ее не видеть. Она засмеялась.

– Тетя тебе конфеты принесла, – сказала она.

– Не хочу.

Она тоже притворялась. Лучше я пойду с могилы возьму.

– Избалованная, да? – спросила она, выпрямляясь.

– Одна-единственная внучка. Что делать? – ответила ба-

бабушка. Честное слово, как она любит при гостях из себя строить.

– Скоро вырастет, – сказала женщина.

В комнату пришла мама. Она взяла еще тарелки и ушла.

– Когда там накроешь, нам тоже здесь накрой, – сказала бабушка. Хоть она и притворялась, я все равно знала – она злится, что мама все делает так медленно.

– Хадижа, иди сюда, – позвала бабушка таким голосом, как будто съела много халвы. – На тебе, – она дала мне конфету. – Как бабушка тебя любит. Все тут Хадижу любят. Хадижа с нами жить будет...

Бабушка обманывала – она меня не любила.

* * *

Сидя в саду у обрыва, я каждый день съедала по куску сахара, взятого из бабушкиного мешка. К обрыву никто не ходил. Меня закрывали стволы деревьев, и увидеть из дома, что я делаю, было невозможно. На другой стороне – через обрыв и через речку – никто не жил. Там были только горы. В то время, когда мы готовились к дядиной свадьбе и когда шайтан заставлял меня воровать сахар, стояло лето.

Я не знаю, почему люди говорят, что лето или зима стоят. Это горы стоят. Лето стоять не может, оно лежит – на горах лежит солнцем, на земле – травой, на деревьях – зелеными листьями. Летом небо тоже стоит – ночью над головой вста-

ет и как будто опускается. В темноте гор не видно, а небо совсем-совсем темное, но вот странно, ты все равно видишь, где небо, а где земля. Зимой звезды редко выходят, а летом их сколько хочешь. Говорят, их нельзя считать, бородавки на пальцах вырастут. Я еще удивлялась: как звезды на небе держатся, почему вниз не падают? Может, их Аллах держит?

Когда я совсем маленькой была, думала, их можно отлепить от неба, как муху от клейкой ленты. Я даже в сарае на лестницу залезла, чтобы выше подняться и схватить их. Не получилось. Они, когда ты за ними поднимаешься, тоже поднимаются, не хотят, чтоб их брали. Наверное, надо с горы попробовать, решила я. Только как я ночью на гору пойду, я не знала, ночью ведь никто никуда не ходит. По ночам в нашем селе все спят. Только сверчок не спит – что-то свое поет до утра. Мама говорила, ей мешает. А мне – нет. Мне так нравится – лежать на двух матрасах, дышать холодным воздухом и слушать сверчковые песни.

Почему каждый год приходит зима? Дедушка говорит, они по длине одинаковые – зима и лето. Как он не видит, что зима намного длинней? Лето быстро проходит, все свадьбы в основном играют летом, потому что вокруг красиво и можно ходить в красивой одежде. Туфли можно носить – земля сухая. И невеста может пройти от своего дома до дома жениха и не испачкать подол белого платья. А зимой ветер носится по горам, воет, как шайтан. До чего неприятно... Река молчит – на ней сверху лед. Снега в селе много не бывает, он

тонко лежит на земле, но как холодно! Выходишь из дома, ветер залетает тебе под платок, под куртку, толкает назад в дом. Куда идешь? Не разрешаю! А тебе за водой все равно надо. Воды дома ни капли. Ветер еще в кувшин или чайник залетает и воет оттуда. Это шайтан, а не ветер. Хорошо, если из родника вода идет. Земля вокруг него ледяная, идти скользко. А на трубе, из которой вода льется, сосульки висят – длиннее, чем борода деда Ахмеда, и тоже белые. Но бывает, когда совсем холодно, вода из родника не течет. Тогда женщины идут на реку, ломают камнем лед и берут воду оттуда. А что делать? Вот так бывает у нас в селении.

В первый год моей жизни в селе я почувствовала, что лето перестает лежать и уходит. Летом солнце покрывает все горы, но наступает день, когда одним горам достается больше солнца, а другим – меньше. Те, которым не достается совсем, становятся похожи на старых мужчин на годекане. Они постепенно засыпают – горы не спят, только когда солнце. А когда горы спят, кажется, что они умерли. Не люблю, когда в такие дни кричат ослы – и так беспокойно. Я так начинаю переживать, когда уходит лето. Грустно мне становится, воздуха не хватает, дышать не могу. Не знаю почему. Мне кажется, что зимой все умрут. Почему – тоже не знаю. Мне кажется, что зима как будто саван на нас надевает. Я видела однажды такое большое белое покрывало. Оно лежало у бабушки в сундуке. Бабушка сказала, когда она умрет, ее в это покрывало завернут. Я не люблю бабушку, но мне не хо-

чется, чтобы она умирала. Мне не хочется, чтобы умирали горы, речка, чтобы умирало наше село. Как у меня все щиплется внутри, когда я стою возле обрыва и смотрю на белые горы. У меня, знаете, как будто внутри тоже большой комок шерсти. Он щиплется, щиплется, становится большим, пушистым, занимает много места, и мне тяжело дышать.

Вот когда солнце с гор уходит, еще трава желтеет. Птицы так спешат улететь из нашего села, как будто мы их чем-то обидели. Только курицы, утки, гуси и индюки никуда не улетают. Конечно, мы же их кормим, а другие птицы сами крошки подбирают, специально им никто не дает. И только-только эти птицы улетят, как в село приползают тучи – злые такие, они висят над нашими домами. Можно подумать, мы им тоже что-то плохое сделали. Хочется, чтобы всегда было лето.

Даже летом я сижу, смотрю на горы через обрыв – и уже жду, когда они начнут засыпать. Почему так? Они еще не спят, солнца на всех хватает, и даже птицы еще не знают, что скоро они улетят, а я уже сижу и жду, когда горы заснут. Зачем думать о плохом? Зачем ко мне приходят такие мысли? Может быть, это из-за шайтана, который в последние дни разговаривает со мной все чаще?

Раньше я могла жить без сахара и пить два стакана чая с одним кусочком. Потом мне стало не хватать. С того дня, как я первый раз без спроса вошла в бабушкину комнату и нашла мешок с сахаром, мне уже не хватало одного большого

куска в день.

– Бери еще! Бери! – говорил мне шайтан.

Я знала, что это плохо. Если бы мы жили раньше, мне бы отрубили руку. Я так боялась, что старые адаты вернутся и мне отрубят руку. Что я бы делала с одной рукой? Только масло сбивать одной рукой можно. Но я же не хотела всю жизнь сбивать масло! Я хотела ткать ковер. Я хотела научиться писать, как дедушка, сидеть на почте и писать буквы на бумаге ручкой. Я даже рисовать хотела. Но людей по нашим обычаям рисовать нельзя, Аллаху это не нравится. А природу рисовать мне не нравилось. Поэтому я не рисовала, хотя у меня было три карандаша – синий, красный и зеленый.

Воровать сахар было легко – меня всегда посылали за вещами на второй этаж. За кисетом, за дедушкиной папашой, если он уходил, за чистым полотенцем. Я быстро забежала к бабушке в комнату, совала руку за занавеску и брала из мешка сахар.

– Два бери! Два! – говорил мне шайтан.

– Сахара мало станет, бабушка увидит, – отвечала я.

– Бери два!

Я брала два. Что я могла сделать? Мешок такой большой, думала я, может, бабушка не заметит, что я беру. Я думала, когда фрукты на деревьях созреют, я перестану брать сахар. Фруктов я могу есть сколько хочешь. Сначала созревает тутовник. Он похож на жирную гусеницу, но такой сладкий. Когда он падает с дерева на землю, то лопается, и кажется,

что под деревом — много-много раздавленных гусениц. Дедушка стелит внизу клеенку и трусит дерево. Иногда мы собираем целое ведро с одного дерева.

За тутовником начинается черешня. В нашем саду растет красная и желтая. Маленькой я залезала на дерево, срывала черешню, ела ее, а косточки пуляла в соседний сад — пусть у них будет мусор. Но больше всего я люблю абрикосы — они у нас самые вкусные, длинные, откусишь — как мед на языке.

Абрикосы сначала бывают зеленые. Сыновья Салихи такие едят. А мне не нравятся — кислые. Я жду, когда они станут большими и желтыми.

Вот и тогда я так ждала, когда они созреют, я думала, что перестану брать сахар. Зачем мне сахар, когда есть абрикосы. Но когда они созрели, я все равно не перестала. Почему так получилось?! Абрикосы же я больше люблю, чем сахар. Но я никак не могла остановиться. Каждый день шайтан толкал меня в спину и заставлял заходить в бабушкину комнату. Я уже не хотела сахар — столько фруктов было, и дедушка покупал мне ирис. Но что я могла сделать? Это же не я, а шайтан.

В тот день дедушка собрал абрикосы. Принес деревянные ящики, в которых они не помнутся, и мы ждали машину, чтобы отвезти их на рынок. Бабушка послала меня наверх за новой клеенкой — люди приедут, их надо за стол посадить. Клеенка лежала в шкафу в коридоре второго этажа. Я быстро поднялась по лестнице, открыла шкаф.

– Хадижа! – позвал меня шайтан из бабушкиной комнаты.

Я вздрогнула – никак не могла привыкнуть к его голосу. Если бы у меня был камень, в котором живет сура, я бы не стала его слушать.

Я зашла в комнату, подбежала к занавеске, как обычно, сунула за нее руку. Там было пусто. Что такое, не поняла я. Где мешок? Я отдернула занавеску – мешка не было. Куда он делся?

– Так я и знала! – раздался за спиной голос.

Это был уже не шайтан, а бабушка. Я так вздрогнула, что сердце чуть через рот не выскочило.

– Так я и знала, что это ты ворует сахар! – закричала бабушка.

Она так тихо подошла, я даже не услышала ее шагов. Какое у нее было злое лицо! Она вся покраснела, а нос у нее стал гнутым, как крючок.

– Я больше не буду, бабушка! Прости меня!

– Не будешь, да?! – крикнула она. – Вот сначала я тебя изобью, а потом ты не будешь!

Она подлетела ко мне как аждаха. Я закричала, у меня сердце вверх поднялось, и я боялась рот закрыть, чтобы нечаянно не укусить сердце.

Как она меня ударила палкой по спине, так больно было, у меня из глаз звезды выскочили.

– На тебе еще! На! – Она опускала палку на мою спину. – На!

– Уй, как больно! Мамочки!

– На!

– Мама!

– На тебе еще!

– Мама!

Я кричала, и мой собственный крик заходил мне в уши, как в узкое горлышко кувшина, и не мог оттуда вырваться. Моя голова чуть не лопнула.

– Мама!

Я никогда еще не видела, чтобы мама двигалась так быстро. Она забежала в комнату с вытянутыми руками, схватила меня и закрыла. У мамы руки были такие худые, их не хватило на всю меня. И бабушка все равно находила место, куда ударить. Мама выставила руки вперед, и палка несколько раз попала по ее узким кистям.

– Я тебе говорила, это она сахар берет! – Бабушка не могла успокоиться – била нас палкой как сумасшедшая.

– Тебе что, сахара жалко?! Пусть берет, она же ребенок! – крикнула мама.

– Ты зачем ее защищаешь? Вырастет воровкой, что будешь делать?! – бабушка еще раз ударила, мама успела повернуться, и она попала ей по спине. Тогда бабушка остановилась.

– Это только сахар, – сказала мама и заплакала.

– Это сейчас только сахар, потом она деньги брать будет. Она не понимает, когда говоришь – нельзя. Ее только пал-

ка научить может. Избаловали вы ее! Я говорила Расулу, не надо ей все, что хочет, покупать. Все, что хотела, ей давали. Испортили уже.

– У нее отца нет, а ты ее палкой бьешь за какой-то сахар.

– Астагфирулла, я ее не за сахар бью, я ее за воровство бью. – Бабушка еще раз замахнулась на нас, но не ударила. – Ты замуж выйдешь, уедешь, на мою голову ее оставишь. Я говорила, пусть Расула родственники забирают. Они ей такие же родственники бывают, как мы!

– Я ее мать!

– А я твоя мать, и не лезь, когда я ее воспитываю! Узнает кто-нибудь, какой позор будет, а! В глаза людям не смогу посмотреть! Мне это надо – этот позор?!

– Айке же позора не было, когда она мои галоши украла! – крикнула я.

– Вах, ты только посмотри! Она еще разговаривает! Я бы на твоём месте язык себе откусила. У-у-у, какая наглая, ты только посмотри... Я бы на твоём месте голову не могла поднять, не то что разговаривать! Руку тебе отрезать, бессовестной, надо! Негодяйка такая! Я тебе что, сахар не даю! Говори! Не даю я тебе сахар?!

– Это не я, бабушка.

– Вах, не ты! Я не видела сейчас, что ли?! А если не ты, то говори, кто?! Кроме нас, дома никого не бывает!

– Это шайтан, бабушка! Он говорил мне брат! Я не хотела. А он звал меня, говорит, заходи, бери сахар, еще бери,

два куска бери. Я не хотела, я тысячу раз «бисмилля» сказала. А он, бывает же, звать не перестал. Я же камень потеряла, поэтому он пришел! Я не хотела брать твой сахар!

– Не придумывай мне!

Бабушка мне не поверила. Но она все равно пришила к моей юбке бусинку из Мекки с черным глазком, чтобы меня не сглазили, и я больше не воровала. Она дала мне еще один камушек с сурой, и я его трогала, когда видела бабушку, потому что моя бабушка – настоящий шайтан. Она так больно побила меня по спине, что я всю неделю лежать по ночам не могла. Только на боку спала. С того дня мама еще больше молчала. От нее не было слышно почти ни звука. Раньше она мне пела перед сном, теперь перестала. Мама не смеялась, когда бабушка нюхала табак после еды. Она только один раз сказала бабушке: «Я никогда тебя не прощу!» – и больше они особо не разговаривали.

Если бы я не любила так сахар, мама с бабушкой не поссорились бы. Они не успели помириться, и в этом виновата одна я.

Один раз, когда мы уже постелили на пол матрасы, я все равно ждала, что мама будет петь. Моя спина уже забыла палку, и я могла спать на спине. Я больше не злилась на бабушку. Зачем мама должна из-за меня на нее злиться? Мне хотелось, чтобы все стало как раньше. Чтобы они разговаривали. Чтобы мама хохотала, когда бабушка чихает.

– Мама, – позвала я.

– Что, Хадижа? – тихо спросила она.

– Мама, прости, да, бабушку. Я ее уже простила.

– Я тоже ее простила, – сказала мама. – Я не обижалась на нее.

– А почему ты тогда все время молчишь?

– Говорить не хочется, – ответила она.

Это был наш последний разговор, который я помню. Сначала я очень боялась, что Аллах разозлится на меня за то, что я слушалась шайтана, и накажет. Но потом, когда моя спина все забыла и я простила бабушку, я подумала, что Аллах мне тоже все забудет. Дедушка говорил, что Аллах – милосердный. Что люди даже в тысячу раз с ним не сравнятся, такой он хороший. Мне казалось: если я и мама простили бабушку, то и Он меня простил. Я уже была уверена, что прощена, пока Он меня не наказал.

* * *

Обычно семья генерала Казибекова приезжает в начале лета. Его жена с детьми живет в том красивом доме у родника, а сам генерал приезжает из города на серебристой «Волге» по выходным, но и то не каждые выходные. В нашем селе столько разговоров о генерале, что долгое время я представляла его самым главным человеком на свете.

Однажды мы шли с мамой на родник. Это было уже после того, как бабушка отлупила меня палкой. Я несла эмалиро-

ванный чайник. Мама – кувшин. Мимо нас проехала «Волга», на солнце машина переливалась, как форель в речке. Даже мамин железный кувшин не был таким блестящим, как эта машина, хотя мама всегда натирала его. К машине генерала Казибекова как будто приклеили много-много маленьких блестящих звездочек. У меня даже глаза заболели на нее смотреть. Я никогда еще не видела генерала. Но машина проехала так быстро, что я не успела никого в ней разглядеть.

Когда мы дошли до их дома, машина уже стояла возле него, и ворота были открыты. Сначала из машины вышел низкий толстый мужчина в потной рубашке. Я всегда по-другому представляла генерала – высоким в военной форме. Я так расстроилась, когда генерал оказался не таким. Но потом из машины вышел второй человек – высокий, в форме и с усами. Это и был генерал. У нас в селе мужчины если отращивали усы, то всегда вместе с бородой. А у генерала бороды не было. Он был очень важный. Точно такой, как генерал.

За генералом из машины вышел мальчик, на несколько лет старше меня. Какой это был красивый мальчик – на нем были красивые брюки и блестящие туфли. Я сразу поняла, что он – городской. Я остановилась, чтобы посмотреть на генерала и на машину. Как я им завидовала – у них такой дом, такая машина, все что хочешь у них есть.

– Махач! – позвал генерал и зашел в ворота.

Мальчик побежал за ним. Они с нами даже не поздоровались. Конечно, кто мы такие были, чтобы с нами здоро-

ваться. Раньше мы тоже были городскими, и у моего папы тоже была очень хорошая работа, он мог купить мне все. Я посмотрела на свои галоши. По сравнению с туфлями этого мальчика мои галоши – просто позор. Я посмотрела на мамины ноги – на ней были резиновые шлепки. Ее ноги были меньше шлепок, поэтому когда мама ходила, то смешно подворачивала ноги. Конечно, Казибековы с нами здороваться не будут. Надо было маме надеть синюю юбку. Это был день, когда я впервые встретила Махача.

* * *

Мне тринадцать лет, и я начала писать этот дневник, когда уже все случилось. Сначала я не хотела, даже не думала. Вспоминала зеленые книги у бабушки под столом на почте. Сидя на полу и листая их, с непонятными мне буквами, я думала, что книги пишут только гении, важные люди, вроде нашего генерала или Толстого. В школе меня научили читать и писать, и вот я сама исписала уже столько листов. Значит, книгу писать легко, особенно если знаешь, что ее никто не прочтет.

В нашем доме опасно вести дневник – его всегда надо хорошенько прятать, чтобы не нашли и не захотели почитать. На моем дневнике есть замок – маленький металлический, ключ от него я ношу на груди на золотой цепочке, которую бабушка подарила мне на день рождения. А дневник – тол-

стую розовую тетрадь – подарили мои одноклассницы, наши сельчанки. У меня в голове и мысли не было такой – записывать, что у нас в доме происходило и происходит. Но когда я увидела на тетради замок, мне сразу захотелось рассказать ей все, потому что эта тетрадь похожа на меня – розовая и гладкая с виду, она умеет закрываться на замок, как и я привыкла держать свой рот и сердце на замке. Не дай Аллах, кто-нибудь найдет эту тетрадь, сломает замок (что его ломать, он не крепкий) и прочтет все, что в ней написано. Узнает о моем позоре. Позоре, который я давно храню под замком.

Мне сразу захотелось рассказать о Махаче, еще на первой странице – я часто думаю о нем, но я себе не разрешила. На первой, на второй и на третьей страницах я говорила себе «нельзя» – разве можно писать про чужого парня в своем дневнике? Но мне так хотелось написать его имя. Мне так хотелось увидеть его имя на белых листах своей розовой тетради. Они такие гладкие и приятные на ощупь. От них даже пахнет какими-то духами. Наверное, это дорогая тетрадь. Теперь, когда имя написано, я могу продолжать. В тетради триста листов. Но у меня нет столько историй. Моя жизнь в нашем сельском доме – скучная, никогда ничего не происходит. Скоро я закончу записывать, и в тетради останется много-много чистых листов. Если бы я жила в городе, там жизнь не была бы такой скучной и я бы исписала всю тетрадь. Хотя я уже пожалела, что начала вести дневник, потому что теперь надо рассказать, как Аллах меня наказал, но когда я думаю

об этом, у меня из глаз идут слезы. Я только беру ручку и ставлю ее стержнем на бумагу, как слезы заливают мне все лицо, капают на тетрадь, бумага мокнет. Как можно так писать? Раньше я умела держать слезы в глазах – надо было не моргать, и они не катились дальше, стояли в глазах, а потом высыхали, или их можно было вытереть рукой. Теперь мои слезы изменились – может быть, с возрастом они меняются у человека? Моргай, не моргай – вытекают сами. Новые слезы выталкивают из глаз старые и текут, текут, текут. А может быть, так получилось потому, что, когда Аллах меня наказал, я часто сидела у обрыва и, наклонившись вниз, смотрела на речку? Как я хотела упасть и утонуть в ней! Сломать себе руки и ноги и лежать на скользких камнях под водой не в силах пошевелиться. Я даже чувствовала спиной их холод. И кричать от боли, но так, чтобы меня никто не услышал. Разве тогда, сидя у обрыва, я не кричала про себя? Я кричала не переставая. Но разве меня кто-то слышал? Прыгнуть у меня не хватило сил – это был бы самый большой грех, меня не похоронили бы тогда на нашем кладбище, а в другом месте одной лежать страшно. Я много раз представляла – как я лежу на камнях, мои руки сломаны, волосы распустились по воде, и вода рядом с моей головой как будто стала черная, мои глаза как два фундука, они открыты, смотрят вверх, я кричу, но изо рта выходит только журчание речки. Мне нравилась такая смерть. Она была красивой, как в старых легендах. А еще я мечтала о том, что Махач придет в наш сад в

своих красивых блестящих туфлях, подойдет к обрыву, посмотрит вниз и увидит там меня. Он подойдет тогда к черешневому дереву, отломит от него ветку с белыми цветами... Когда Аллах меня наказал, стояла осень, все умирало, и не только горы, но даже люди, а я все равно представляла, что Махач отламывает ветку в цветах. Он бросает ее вниз с обрыва, ветка падает и ложится мне на грудь. Как это красиво! Я не хотела, чтобы Махач тоже прыгнул вниз от горя. Пусть бы умерла я одна, а остальные пусть бы жили долго и были счастливы. Я хотела, чтобы речка сама потянула меня, но она не потянула... Со мной ничего не случилось. Только слезы текли как река.

Умри я, Махач не бросил бы ветку в реку. Что ему делать в нашем саду? Мы бедные – они богатые. Раньше я не знала, что мы бедные, потому что у всех в нашем селе были почти одинаковые дома, одинаковые коровы, бараны и утки. Но через несколько лет после того, как мы переехали, село стало меняться: сельчане строили на месте старых домов новые – кирпичные, с железными заборами вокруг. Мужчины уезжали в Россию и возвращались с заработком. Некоторые приезжали на машинах – иномарках. Почту закрыли. Не знаю почему. Наверное, люди перестали писать друг другу письма.

Дедушка говорит, что нельзя открывать душу для плохого. Что злость и зависть – очень плохие чувства.

– Пусть они себе строят, – говорит он. – Нам что? Нам от этого ни холодно, ни жарко.

Если бы он знал, как у меня все кипит внутри, когда моим ровесницам родители покупают красивую одежду. Если бы он знал, то так бы не говорил. Моим одноклассницам много чего привозят из Москвы. А я умираю от зависти. От злости у меня леденеют ступни и ладони. Так что мне и холодно, и жарко. В душе моей кипятятся плохие чувства. Не знаю, когда я открыла душу для плохого. Может быть, когда начала отзываться на голос шайтана, или когда ела еду с могил... Или когда... Нет, еще не настало время. Тебе, моя тетрадь, лучше пока не знать, как наказал меня Аллах. Вот сколько слез. Разве я могу писать на мокрой бумаге? Одно я могу сказать тебе – в моей душе давно живет плохое.

* * *

В тот день я бежала к дедушке. Было очень жарко, и даже зимой, вспоминая о том дне, я начинаю гореть. Меня окружали летние звуки. У зимы и у лета есть свои голоса и свои песни. У лета голос молодой женщины, у зимы – старой. Летом песня будто ковер сплетается из разных звуков, похожих на цветные нитки: красные, зеленые, синие. Эти нитки тянутся из домов – люди бегают туда-сюда, их шаги быстро стучат по земле, хлопают калитки, кричит петух, и даже дым от костра, на котором пекут лепешки, тоже идет желтой ниткой через все село. А зимой ковер не ткется. Зима натягивает серую основу на станок и на этом останавливается. Если

станок в доме пустой, значит, случилось что-то плохое – хозяйка заболела или умерла. Ни одна хозяйка не перестанет ткать ковер. Заканчивая один, она тут же начинает другой. Так может быть только зимой – когда вокруг все серо-белое, а песня – старая, хриплая, как звук, который получается, когда проведешь пальцем по тугим ниткам основы.

Я бежала на почту. В пакете лежала лепешка с сыром дедушке на обед. Я подумала о том, что дедушка уже купил мне ирисок и заварил чай. От этой мысли побежала быстрее. И вдруг в ногу врезалось что-то острое. От боли нога подвернулась, и я полетела вниз. Я успела выставить руки вперед, но все равно ударилась о кочку и закричала от боли. Раздался смех. Кто так громко смеется, удивилась я, подняла голову и увидела возле дерева у дороги ребят. Я не поверила своим глазам, когда увидела среди них Махача. Они вышли на дорогу и смеялись надо мной. Я только о Махаче и думала с тех пор, как мы с мамой увидели его возле родника. Я думала, что он не такой, как остальные сельские парни, думала, что он другой, городской. А он!

Я быстренько поднялась. Схватила с земли лепешку и сыр, выпавшие из пакета. Вытерла рукавом пыль с сыра. От стыда у меня горело лицо. Почему они надо мной смеются, спрашивала себя я. Почему не уходят? Что я им сделала? Такой был позор, что я упала при них. Я хорошенько посмотрела на землю и увидела тонкую проволоку, одним концом привязанную к дереву. Они специально привязали ее, что-

бы я упала, догадалась я. У меня что-то потекло по губе, я потрогала – кровь. Я подняла руку к лицу и так стояла – закрывшись, пока они хохотали.

– Ладно, пойдем, – сказал Махач мальчикам.

Услышав его голос, я не смогла больше там стоять и побежала прочь, хотя нога сильно болела. От бега поднялся ветер в ушах.

– Что случилось? – Дедушка вскочил со стула, когда я убежала к нему на почту.

У меня на лице перемешались кровь и слезы. Мне казалось, что мое сердце размякло, как лепешка, которую бросили в молоко.

– Я упала там, на дороге!

– Как упала?! Зачем упала?! Почему упала?! – волновался дедушка.

– Споткнулась о камень. Кто-то камень на дороге бросил. Я бежала, его не увидела, – обманула я, мне не хотелось, чтобы дедушка плохо относился к Махачу. Зачем я это делала? Дедушка все равно не стал бы ссориться с генералом.

Дедушка намочил полотенце и положил его на мое лицо. Я сидела задрав голову и смотрела в потолок.

Я люблю смотреть на потолки и на стены. Там, где известка треснула, мне кажутся фигуры разных животных и людей. Я часто вижу на потолках Тамерлана или деда Ахмеда в высокой папахе. Я могу целый час смотреть вот так. Фигуры меняются – наместо деда Ахмеда может появиться точиль-

ный камень, вместо Тамерлана – гора. Иногда в моих фигурах мужчины превращаются в женщин. А иногда – в шайтана. Когда я вижу шайтана, я сразу опускаю глаза и трогаю камень. Почему он не оставит меня в покое?

В тот день я смотрела на потолок и ничего не видела. Мокрое полотенце давило скользким камнем. Один только вопрос крутился в моей голове: зачем Махач смеялся надо мной? Как я ненавижу его теперь! Если его задавит машина, от радости я буду танцевать!

* * *

Приближалась свадьба дяди, и дедушка обещал купить мне блестящее розовое платье. Во время свадьбы все смотрят на родню жениха, а после шушукаются по домам. Бабушка уже ездила в город смотреть платье для невесты.

– Клянусь Аллахом, где они такие цены берут? – жаловалась она потом Салихе.

– Уй! – уйкнула Салиха, услышав цену. – Ты помнишь, да, в каком платье я замуж выходила? От матери моей оно мне досталось. А ей – от ее матери. Что это за порядки новые, никак не пойму. Глазом не успели моргнуть, уже все порядки поменялись. Теперь всем городские платья подавай. Где такие деньги брать?

Я сидела за занавеской, закрывающей проход в другую комнату, и сквозь щелку подсматривала за ними.

Бабушка и Салиха сидели на маленьких подушках, поджав ноги. На клеенке лежали шоколадные пряники, привезенные из города, и вазочка с колотым сахаром. Бабушка шумно пила чай-кипяток, причмокивала и щурилась. Вот откуда у нее такие морщины.

– Платье – вот такое широкое, – бабушка показала руками, и получился такой же размер, как живот Салихи. Салиха – самая толстая женщина в нашем селе. – Вот здесь все ажурное в блестках, – бабушка показала на грудь, – а вот тут, на подоле, такая круглая железка. Я еще так удивилась, когда увидела. Обруч, говорят, чтобы платье стояло...

– Ты основное внимание невесте давай, а не платью, – сказала Салиха и потянулась за вторым пряником. Итак толстая, куда в нее столько лезет. Скоро в ворота проходить не будет. – Ты вспомни, что у Малики, которая бывает родственницей Бесме, случилось...

– Что случилось? Когда? – Бабушка пододвинулась ближе к Салихе и приложила руку к уху.

Дедушка говорил, что бабушка начала плохо слышать, когда он на деньги от урожая хурмы купил ей серьги с большими красными камнями. Бабушка так хотела показать всем свои серьги, что специально начала прикладывать руку к уху.

– Вай, а ты не знаешь?! Ой, что было, сейчас я тебе расскажу, – Салиха смахнула с толстых рук крошки и провела рукой возле бабушкиного носа, как будто гладила воздух.

У Салихи на пальце было кольцо с большим желтым кам-

нем. Это кольцо у нее появилось как раз в тот день, когда наши куры зашли в ее огород. Салиха прибежала к бабушке и начала махать рукой, на которой было кольцо.

– Ты что за своими курами не следишь?! Они у меня в огороде огурцы едят!

Бабушка пекла в саду хлеб. Она встала, подошла к Салихе, хорошенько посмотрела на ее кольцо, потом выпрямилась и приложила руку к уху, на котором висела серьга.

– Что-что? – спросила она. – Ничего не слышно. Повтори еще!

Я этого не видела, мы в городе тогда жили. Мне дедушка рассказал.

Салиха откусила пряник. Как она умела сделать сладкое лицо!

– Короче, засватали они дочь одних за своего сына, – сказала она. – Кто-то из родственников посоветовал. Короче, дядя у нее, бывает же, глава ихней администрации. Столько хвалили – родители такие, приданное такое, сама тоже завидная невеста. Короче, пришли, посидели, все как положено. Невеста тоже вышла, показалась. Засватали.

– Аха-ха-ха, – закивала головой бабушка, наклоняясь к Салихе.

– Ну, слушай дальше что было, – Салиха взяла еще пряник. – А ее родители говорят им, бабушка у нас старая, надо быстрее свадьбу играть, пока не умерла, потом долго тра-

ур держать придется. Те согласились. Их брат – глава администрации – тоже такой крутой приехал, все помог, все что надо привез, подготовил. Сыграли свадьбу... Брачная ночь тоже была.

– Аха-ха-ха... – бабушка чуть не упала Салихе на колени.

– Ночью темно было, жених ее не видел.

– Ва-ба-бай, на свадьбе тоже не видел?

– На свадьбе фата ей лицо закрывала.

– Аха-ха-ха...

– Короче, утром он на нее посмотрел, а у нее – вот такая щека, – Салиха приложила к щеке пряник.

– Астагфирулла! – бабушка отпрянула от Салихи.

– Клянусь Аллахом, да! Сама не видела, золовка рассказывала. Вот такая у нее щека – одна в два раза больше другой. Говорят, родилась она такая. Парень к родителям побежал – не буду я с этой аждахой жить... Те – сынок, что делать, женился, теперь живи. Нет, и все, говорит, жить с ней не буду. Ее родственники приехали, уговаривали. Дядя приезжал. Не уговорили. В тот же день они ее к родителям отправили. Поэтому больше внимания невесте давать надо.

– Я ее каждый день вижу – на родник, с родника ходит, – сказала бабушка. Ее глаза блеснули – она любила собирать сплетни.

– Все равно внимания больше давай, – повторила Салиха и откусила пряник.

Они замолчали, только слышно было, как бабушка грызет

сахар, а Салиха дует на чай. Я ждала, когда Салиха уйдет – при гостях я не могла брать еду с клеенки.

– Позавчера к Эльмире из города племянница приехала, Зумкина дочка, – сказала Салиха, смахивая с рук крошки.

– Аха-ха-ха...

– Сегодня мимо Абидаткиного дома она проходила. Накрашенная вся, – сказала Салиха, и бабушка покачала головой. – Абидатка видела. Губы красные. Щеки тоже крашенные. Была б это моя дочка, избила бы.

– У-у-у, смотреть неприятно, – сказала бабушка.

– Учится она – в мединституте в Махачкале.

– У-у-у...

– Нашим бабушкам не разрешали учиться, и правильно. Зачем обычаи нарушать? Жена будет на работе, кто кушать будет готовить, убирать? Это уже не жена. Никто ее из нашего села не засватает.

– Непорядочная, что ли? – спросила бабушка.

– Не знаю, но говорят... – Салиха наклонилась к бабушкиному уху.

– Астагфирулла!

Все женщины в нашем селе были сплетницами. Когда Салиха пойдет к другим соседям, она будет сплетничать про нас.

Мне никто ничего не рассказывал. Но я слышала, как шушукалась бабушка с Салихой, ловила обрывки чужих разговоров, и много раз до меня доходило слово «свадьба». Я думала, они все говорят о дядиной свадьбе. Вышло по-другому – они говорили о свадьбе моей матери. Я ушам не поверила, когда подслушала новый разговор бабушки с Салихой.

– Курбановы сразу сыграют свадьбу, как только мы Хаджи-Мурада женим, – говорила бабушка. – Выше головы прыгать не будут, все скромно сделают, у жениха это тоже второй брак. С первой женой они разошлись.

– Почему разошлись? – спросила Салиха, а я, сидя за занавеской, никак не могла понять – какое нам дело до свадьбы этих Курбановых.

– Детей у них не было, – ответила бабушка. – Говорят, вина со стороны жены.

– С Айшей им нечего бояться – вон у нее дочка есть.

– Хадижа с нами останется, – сказала бабушка, и у меня все внутри похолодело – они говорят обо мне и о маме! Это мама выходит замуж!

– Айша согласилась? – спросила Салиха.

– Это вопрос решенный, – сказала бабушка таким же голосом, каким говорила дедушке, какого барана надо зарезать.

– Такая обуза... – Салиха закачала головой.

– Что делать... – бабушка вздохнула. – Платье свадебное Надире купили, – она поднялась с подушки. – Завтра ей отнесем.

Салиха тоже подняла свой живот. Когда они ушли на второй этаж смотреть платье, я выскочила из-за занавески и побежала во двор. Мама выйдет замуж и уедет к Курбановым, билось в моей голове. А я останусь с бабушкой и дедушкой.

«Я люблю только маму!» – хотела кричать я.

Я знала, мама уедет, а бабушка будет каждый день меня бить!

Во дворе ходили куры. Я захотела забежать в курятник и разбить все яйца.

Однажды бабушка разрешила мне посмотреть, как из яйца вылупляется цыпленок. Мы вместе пришли в курятник. Яйца лежали в гнезде, и на одном появилась маленькая дырочка – это цыпленок бил яйцо клювом с другой стороны. Не знаю, что со мной случилось, я же говорю – во мне живет плохое, – я схватила яйцо и хотела его поцеловать. Но бабушка закричала на меня и ударила по лицу. Я бросила яйцо, и цыпленок умер. Я не хотела его убивать, я хотела играть с ним. Цыплята такие бывают красивые, когда без перьев, в желтом пуху. Я хотела потрогать их, пока они не превратились в противных куриц. Дедушка говорил, их нельзя брать на руки, пока они еще маленькие, и правильно бабушка сделала, что меня побила.

Я выбежала за ворота. Куда мне бежать? Я так хотела уйти

из этого дома навсегда, но, кроме него, у меня не было другого. Я побежала на кладбище, потому что хотела умереть. Если я умру, думала я, меня все равно туда отнесут. Я больше не буду ничего есть, решила я, и умру от голода.

Сначала я хотела спрятаться на старом кладбище, но могильные камни там – узкие и низкие, я не могла за ними спрятаться. На новом кладбище я нашла высокий камень, села за него, и спине стало тепло – его нагрело солнце. Я сидела на земле, спрятавшись за камнем, и смотрела на облака. Надо мной проплывали бараны – целое стадо, слоны. Однажды папа купил мне футболку, на ней спереди был нарисован слон. Облака приходили и уходили. Я махала им рукой. Летом, когда солнце, они такие добрые. Еще я видела на небе свадебное платье – широкое, с обручем внутри, точно такое лежало на кровати в бабушкиной комнате. Интересно, мама тоже будет выходить замуж в таком платье, подумала я? Слезы потекли по моему лицу. У меня внутри все сдавило, я была как цыпленок, который не может вылезти из яйца. Я стала плакать еще сильнее – так сильно, что у меня изо рта полез громкий плач, и я закрыла рот рукой. Потом я подумала про человека, который похоронен в этой могиле. Я даже не знала, мужчина это или женщина, потому что не умела читать. Наверное, представляла я, он лежит и думает – что она пришла на мою могилу плакать, я же ее не знаю, мы даже не родственники с ней?

Мне стало интересно, слышат ли покойники. Один раз я

видела во сне папу, и он сказал мне, что все очень хорошо слышит. Он сказал, что разные покойники слышат разными частями тела – кто-то головой, кто-то телом, кто-то ногами, а кто-то руками. Мой отец слышал руками. Когда он это сказал, показал мне свои ладони. А чем слышит этот покойник? Я не знала.

– Мама замуж выходит и уезжает к этим Курбановым, – сказала я человеку, который был похоронен в этой могиле. – А я остаюсь с бабушкой и дедушкой. Бабушка меня не любит. Я тоже ее не люблю. У меня умер папа. Как ты, совсем умер. Я осталась с мамой. Почему она должна уехать? Зачем? Я тоже хочу умереть.

Я представила, как я умерла и осталась возле этого камня.

– Если бы ты знал, как я хочу умереть, – сказала я человеку, который был похоронен в этой могиле. – Ты можешь сделать так, чтобы я умерла прямо сейчас? – спросила я его. – Прошу тебя, сделай, да. Пусть они все пожалеют. И еще сделай так, чтобы мама к этим Курбановым не уезжала, – просила я, еще не зная, что скоро мое желание исполнится...

Меня никто не искал, и я стала думать о Махаче. Когда меня похоронят, представляла я, он придет на кладбище в своей красивой одежде и положит мне на могилу ветку цветущей черешни. Жаль, конечно, что я умираю не весной, тогда ему легче было бы достать ветку. Мне было так приятно думать о Махаче, что я даже перестала плакать и мечтала о нем.

Я не знаю, сколько времени я сидела у того камня, у меня же не было часов, но день изменился. Солнце начало заходить за гору. Сначала это бывает красиво – когда солнце заходит. Ты смотришь на дома, а у них на крыше – тонкое золото. Смотришь на горы, и кажется, что у них на вершине – золотая корона. Все так блестит, как золотое кольцо, цепочка или зуб. Но проходит время, наверное час, и золото уходит, приходит тень. А солнце, красное, как помидор, падает в дырку, которая получается между двумя горами. Что там, за этой дыркой? Я никогда так далеко не ходила. Иногда мы с бабушкой ходили гулять в горы. Шли-шли, а до тех гор так и не дошли. Мне хотелось пойти туда поздно вечером и обойти их, чтобы увидеть, как за ними лежит красное солнце. Спит на боку до утра.

Мой камень стал холодеть. Как я останусь здесь ночью среди мертвых, испугалась я. Нужно умереть, пока не наступила ночь.

– Ты можешь сделать так, чтобы я умерла прямо сейчас? – спросила я человека, чья могила это была.

У меня по спине побежали холодные мурашки. Я начала плакать. Из моих глаз вытекало столько слез, что даже небо расстроилось из-за меня. Облака уплыли, на их место приплыли тучи. Очень быстро вокруг потемнело, хотя ночь еще не наступила. Я услышала, как вдалеке по дороге пастух гонит коров. Их мычание доходило до меня. Маленькие капли упали с неба мне на руки. Воздух изменился, стал двигаться

и шевелить траву у моих галош. У меня в груди появилось странное чувство – как будто по ней водили мягким куриным пером, только с обратной стороны. Я никогда еще не была на кладбище вечером во время дождя.

Ветер принес мне обертку от конфеты, она прилипла к моей ноге. Я захотела оказаться дома, возле теплой печки, в которую бабушка подбросила сухой хворост, – сидеть на подушке, греться и пить горячий чай вприкуску. Я захотела побежать домой, но вспомнила о том, что они должны найти меня мертвой. Я представила, как утром они приходят на кладбище, а я лежу на земле у этой могилы. На моих волосах роса, а руки и ноги холодные. Бабушка плачет и жалеет, что била меня палкой. Мама тоже плачет. И дедушка плачет. Они жалеют меня и говорят: «Прости, Хадижа, что мы так плохо с тобой обращались». Но уже поздно. Я уже не оживу. Не встану с травы. Не открою глаза. Не скажу им ни слова. Не прощу их. И они всю жизнь будут жалеть о том, что не любили меня.

Дождь полил с неба. Мой платок промок. Камень стал очень холодным. С него мне за шиворот стекала холодная вода и тонкими змейками ползла вниз по спине. Я зажмурила глаза, закрыла голову руками и сидела так, прячась от дождя, пока мне в голову не пришла страшная мысль – как будто это не камень, а покойник прикасается ко мне холодными руками. Мне нужно бежать домой! Я открыла глаза и закричала. Пока я сидела с закрытыми глазами, вокруг все

потемнело. Я не видела дорогу, которая вела к нашему дому. Вокруг меня стояли могильные камни – темные. Я вспомнила дядю Абдуллу, который недавно умер, я еще ела с его могилы конфеты. Я подумала, что он сейчас может выйти из могилы и прийти за мной. В галошах собралась вода, и от холода я не могла пошевелить пальцами. Я хотела встать, но потом представила, что дядя Абдулла уже стоит за моим камнем и прикладывает свои холодные руки к моей спине, чтобы услышать, о чем я думаю. Я закричала, но крик у меня не получился.

– Мама! – позвала я.

Мне показалось, что они уже идут за мной – все покойники, с могил которых я брала еду.

– Я не много брала, – заплакала я. – Одну конфету или две. Я все не трогала.

На горе закричала какая-то птица. Мое сердце чуть не выпрыгнуло изо рта.

– Бабушка! – крикнула я.

Это не птица кричит, а покойники, пронеслось в моей голове. Они идут за мной! Зачем я не осталась дома, ругала я себя. Зачем?!

Потом я вспомнила свою прапрабабушку, которая тоже похоронена здесь, и прабабушкиного брата, которого отравили наши родственники.

– Прапрабабушка, приходи ко мне! – стала звать я.

На небе сверкнула фиолетовая полоска, и камни вокруг

меня задвигались, протянули ко мне каменные руки. У меня сердце заледенело, и я закричала. В глазах засеребрились маленькие точки, как на машине генерала Казибекова. И я оказалась в каком-то доме. Это был как будто наш дом и не наш. Стены были обмазаны глиной, полы деревянные, но без ковров – голые. Никакой мебели в доме не было, даже печки, поэтому было очень холодно. Только у стены стоял станок с уже начатым ковром. Я посмотрела по сторонам и увидела очень красивую женщину в старых одеждах. Она сидела перед станком на полу, поджав ноги.

– Все забрали, – сказала она, – ничего не оставили.

Она заплакала и взялась за ковер. Женщина вынимала из пучков разноцветные нитки – синие, желтые, красные, зеленые – и вплетала их в основу. У нее получались очень красивые узоры – ромбы, квадраты, разные фигуры.

– Хочешь попробовать? – спросила она.

– Хочу, – ответила я.

Она положила передо мной пучки ниток разных цветов и сказала, чтобы я выбрала свою нитку.

– Только выбирай осторожно, – сказала она. – От того, какую нитку ты выберешь, зависит твоя судьба.

Сначала моя рука потянулась за желтой ниткой. Мне нравится желтый – таким бывает солнце. Потом за красной – я люблю красный, он виден издалека. Но взяла я зеленую нитку, потому что такого цвета лето – когда все живое. Женщина покачала головой – ей не понравился мой выбор.

Она немного отодвинулась, уступая мне место у станка. И я вплела в основу свою нитку – поверх красного ряда. Женщина вынула из пучка еще зеленые нитки и вплела их над моей ниткой – получился Тамерлан.

– Это Тамерлан? – спросила я.

– Это овца – жертвенное животное, – ответила она. – Каждый ковер рассказывает свою историю. Ее можно прочесть в узорах.

– А какую историю рассказывает твой ковер? – спросила я.

– Мой ковер рассказывает историю Каменного Мальчика. Давным-давно, меня еще не было на свете, к нам в горы пришел страшный завоеватель и привел с собой множество воинов. Их было столько, сколько ворсинок в этом ковре. Они еще не дошли до нашего села, когда встретили мальчика. Он играл на свирели и пас овец. Вот они – вытканые зелеными нитками.

– А какого цвета мальчик?

– Красного, – сказала она и стала ткать свирель красными нитками. – Завоеватель приказал мальчику отвести их в село. Мальчик повел их, но завел в другую сторону – туда, где стоят непроходимые горы и не выпускают никого обратно. Когда завоеватель замахнулся над сердцем мальчика кинжалом, Аллах превратил мальчика в гору. Он до сих пор стоит в стороне от нашего села.

– А ты кто? – спросила я.

– Твоя прапрабабушка, – ответила она.

– Ты умерла! – крикнула я.

– Ты меня звала. – Женщина посмотрела на меня своими черными глазами.

В это время в комнату вошел мальчик – младше меня. Он принес с собой мой эмалированный чайник, с которым я все время ходила на родник.

– Все забрали, – повторила она, – ничего не оставили.

Мальчик поставил перед нами чайник и стаканы.

– Рамазан, налей чай, – сказала ему женщина.

– В чайнике холодная вода, – закричала я. – Не наливай! Мне и так холодно!

– Тебе надо согреться, – сказала прапрабабушка.

– Я не буду пить холодный чай! Мне холодно! Я замерзла!

– Не бойся, – сказал мальчик. – Это вода из нашего чайника. Пей, она горячая.

Я взяла в руки стакан, в нем оказался чай-кипяток. Я сделала несколько глотков, и мне стало очень жарко. Мне было так жарко, как будто воду-кипяток вылили на голову.

– Дай, да, я еще выберу нитку, – попросила я прапрабабушку.

– Нельзя, – сказала она. – Можно выбирать только один раз.

– Дай я еще выберу! Пожалуйста! – закричала я.

Не знаю, зачем мне понадобилась эта нитка. Но в том доме я очень хотела выбрать нитку другого цвета.

– Дай мне еще нитку! Пожалуйста!

Женщина протянула ко мне руки, подняла меня с пола, посадила к себе на колени и стала качать. Когда она подняла на меня лицо, я увидела, что это мама.

– Мама, дай мне еще нитку!

– Тихо, – говорила мама. – Сейчас дедушка приведет врача...

Ковер уплыл далеко-далеко, и я оказалась на бабушкиной кровати. Мама держала меня на руках. Кровать качала нас. Рядом появилось лицо бабушки с красным носом, она шумно дышала, как будто нюхала табак. Кровать качала нас, как волны на море.

– Мама, возьми у прапрабабушки другую нитку, – попросила я, но покрывало поднялось с кровати как волна, заблестело над моей головой, накрыло меня, и больше я ничего не помню.

* * *

Следующие дни я плохо помню. Единственное, что возвращается в память, – сильный жар и боль в коленях. Ноги болели так, будто кто-то брал меня за ступни и крутил их в разные стороны. Я не могла лежать спокойно, мои ноги постоянно были в движении, я терла одну ступню о другую, хотела сбросить с них невидимые руки, но легче мне не становилось. Почему-то я представляла себя керосиновой лам-

пой, в которой сильно повернули фитиль, огонь разгорелся, и стекло сейчас лопнет. Я сейчас лопну, казалось мне, потому что очень горячо, внутри огонь. Приходил врач, которого дедушка привел из соседнего села. Дедушке пришлось пройти ночью под дождем по скользким дорогам три километра туда и обратно. Даже врач не смог повернуть во мне фитиль в обратную сторону. Я больше не могла терпеть и звала маму, хотя мама всегда сидела рядом со мной на бабушкиной кровати. Часто появлялась бабушка, я запомнила ее красный нос, который приближался к моему лицу. Когда я думала, что сейчас взорвусь на части, кровать проваливалась меня вниз, куда-то под землю, и там я попадала в тот пустой дом. Там меня ждала женщина. Она снимала платок, и я видела, как тяжело повисают до пояса ее черные косы. Она снова ткала ковер – моя прапрабабушка.

– Пить, – просила я, и появлялся мальчик с моим эмалированным чайником.

– Не бойся, – говорил он, – это вода из нашего чайника.

Я постоянно просила женщину дать мне еще выбрать нитку, но она только качала головой, отчего ее косы колыхались. Она вязала ковер, и на нем постепенно начали появляться желтые узоры. Она ткала солнце, которое поднималось из-за гор и грело баранов и Каменного Мальчика. Тогда я поняла, что мне надо было выбрать желтую нитку.

– Дай мне желтую нитку, – просила я, но она снова качала головой.

Потом кровать возвращала меня к маме. Я бы радовалась, если бы бабушка разрешила мне полежать на ее кровати в другое время, а в те дни я хотела лежать на полу – он бы не бросал меня вверх-вниз. Я просила, чтобы меня переложили на пол.

– Пол холодный, тебе надо быть в тепле, – говорила мама.

Один раз кровать меня подкинула наверх, я проснулась и почувствовала, что огонь уже не горит так сильно. Но рука, которая крутила ноги, перешла на грудь и стала сильно на нее давить. Мое горло сузилось, воздух не попадал в него, я дышала как бабушка, когда она нюхает табак. С каждым вздохом рука давила больней. Внутри совсем не осталось места для воздуха. Он выходил из меня с таким неприятным звуком и такой горячий, что я могла обжечь маме лицо.

Я не знаю, сколько дней прошло. Помню, как кровать в другой раз забрала меня вниз, я снова пила горячий чай, а потом вернула наверх, и я слышала голос бабушки.

– Свадьбу все равно через неделю сыграем, – говорила она. – Завтра позовем к ней муллу. А что делать? Сама слышала, что врач сказал...

– Она не умрет, – слышала я голос мамы, она говорила шепотом, – не надо свадьбу торопить. Она поправится.

– Потом траур держать, год ждать, – сказала бабушка, и кровать снова забрала меня вниз.

Моя прапрабабушка была не похожа на бабушку. Прапрабабушка была красивой, с белой кожей, черными бровями и

красными губами. Как она могла родить дочку, которая потом родила такую страшную бабушку? Моя бабушка была похожа на аждаху.

Мы ткали ковер. Прапрабабушка положила мне в руки пучок зеленых ниток, и я ткала своего барана. Он получался у меня треугольным, но мне все равно были хорошо видны его копыта и кучерявая шерсть. Я могла гладить его сколько хочу. Я погладила своего барана, и вдруг он заблеял. Как я обрадовалась! Прапрабабушка перестала ткать, повернула голову на его голос, желтая нитка повисла в ее пальцах. Мне тоже голос барана показался каким-то странным. Кровать бросила меня вверх, и я увидела человека в белой одежде и с длинной бородой. Он наклонился ко мне, перебирал пальцами четки и пел молитвы. Это мулла, поняла я. Зачем он пришел? Откуда знает, что я разговаривала с шайтаном? Я так испугалась, что опустилась вниз, и только взялась за зеленые нитки, как голос муллы вернул меня наверх. Я снова нырнула вниз, а он опять достал меня наверх. Я прыгала как мячик – туда-сюда, туда-сюда.

– Мама, положи меня на пол, – стала просить я. – Мама, я не могу больше, положи меня на пол.

Мама взяла меня на руки и унесла в коридор. Там, в самом конце, у нас сломана крыша, и когда дождь, из дырки течет вода. Сейчас из нее падало жирное солнце. Я хватала луч рукой, мне казалось, это пучок желтых ниток, я хотела вытащить из него одну.

Мама прижала меня к себе, и я почувствовала, как шевелятся ее ребра.

– Аллах! – крикнула она в эту дырку. – Аллах, не забирай мою дочку! Лучше меня заberi! Меня заberi! – кричала она. – Оставь ее! Бери меня, я все равно жить не хочу! Аллах!

Мои тяжелые веки закрывались, и когда я их почти закрыла, оставив только узкую щелку, желтое солнце стало зеленым и упало на мамино лицо.

– Аллах! – кричала она. – Заberi вместо нее меня!

Я уснула.

Когда я проснулась, то снова лежала на кровати, но она уже не подбрасывала меня вверх-вниз. Мама сидела рядом. Она смотрела на мое лицо. Она смотрела мне прямо в глаза, и от ее взгляда у меня теплели ступни и ладони. Не знаю, сколько времени я так пролежала, но за эти дни мама стала совсем некрасивой.

* * *

Бычок и телка были выбраны. Пришел муж Салихи, и они вдвоем с бабушкой связали им ноги веревками. Бычок был рыжий, телка – черная. Это был первый день, когда я поднялась с кровати. Бычок и телка лежали на боку во дворе. Посмотреть пришли сыновья Салихи. Они крутились рядом с бабушкой, когда он точил нож о желтый камень. Мне не

нависся скрип железной ручки, которую дедушка крутил правой рукой. Бычок и телка кричали. Почему он не наточил нож раньше, не понимала я.

Мама принесла два широких железных таза. Их редко вынимали из хлева. Мама двигалась еще медленней, чем всегда. Готовились к свадьбе. Свадьба через три дня. Через два дня из армии возвращается мой дядя Хаджи-Мурад.

Я стояла на верхней ступени лестницы, держась за перила, чтоб не упасть. Я ковыряла их ногтями. Мне было не жалко бычка и телку, просто они неприятно кричали и закатывали глаза, как мой отец. Каждый раз, как они мычали, жилы на их шеях напрягались, а глаза уходили так далеко, что были видны только белки. Они трясли ногами, чтобы сбросить веревки, но веревки были завязаны на несколько узлов. Откуда они знали, что их сейчас зарежут? Сыновья Салихи толкались и крутились.

– Иди в дом. – Мама потянула меня за плечо, но я сбросила ее руку:

– Хочу смотреть.

Дедушка подошел с ножом сначала к бычку. Бычок посмотрел на нож и закричал так, что у меня внутри все задрожало. Муж Салихи навалился на него. Телка забилась так сильно, что я подумала, она сейчас сбросит веревки, но не сбросила.

– Бисмилля... – сказал дедушка и медленно провел ножом по шее бычка, и из нее брызнул целый родник крови, ударил

дедушке в лицо, и дедушка засмеялся, с его подбородка капала кровь.

Я тоже засмеялась. Сыновья Салихи засмеялись. Телка замолчала и даже перестала дышать, как будто мертвая.

Глаза бычка закатились внутрь и больше не вернулись. Родник бить перестал, теперь из горла тек медленный ручей, дедушка подставил под него таз. Бычок еще долго дергал копытами. Его тело шевелилось, даже когда ему отрезали голову. Я не буду есть эту голову.

Дедушка подошел с ножом к телке. Она только один раз дернулась, перед тем как дедушка, повторив «Бисмилля...», провел по ее горлу. А потом, наверное, поняла, что это не нужно. Дедушке в лицо снова брызнул родник, который состоял из маленьких красных точек. Все смеялись. Мне было не жалко. Зачем люди женятся, думала я.

Я не стала смотреть, как дедушка и муж Салихи срезают ножами шкуру с бычка и телки. Я ушла в дом, поднялась на второй этаж. Мама сидела на полу в коридоре под дыркой в крыше. Она прислонилась к стене и подняла вверх лицо. Она была некрасивой. Я подумала, что, если бы сейчас зарезали ее, из ее горла не вышло бы ни капли крови. Сверху ей на лицо падало солнце. Кажется, она спала.

Когда я снова вышла во двор, бычка и телки уже не было. На их месте лежали тонко срезанная шкура, копыта, а в тазах – внутренности. Бабушка сидела на земле и полоскала в другом тазу требуху. Из требухи выходила зеленая каша –

вчерашняя трава. Вечером бабушка перекрутит мясо и набьет им требуху. Я очень люблю колбасу, которую она готовит. Колбасу для свадьбы.

Утром мама не встала. Она лежала на полу, повернувшись к стене. Она не ответила, когда я позвала ее. Я села на матрас и нагнулась к ней. По ее лицу текли слезы. Она не спала.

– Мама, ты зачем плачешь? – спросила я.

– Соринка в глаз попала, – сказала она.

Мы позавтракали внизу, как обычно. Мама еще не встала. Я пошла в сад и сорвала там оставшиеся абрикосы. Пришла Айка, и мы побежали к ним смотреть, как Салиха печет лепешки для нашей свадьбы. Такой в нашем селе обычай – соседи друг другу помогают. Когда будет свадьба у них – бабушка будет печь им лепешки.

Бабушка готовила колбасу, крутила мясо для курзе и чу-ду. Она забыла про меня. А я забыла про маму. Я думала, она давно встала и помогает бабушке. Вечером я прибежала от Айки. Мама лежала на втором этаже на матрасе – она не вставала.

– Принеси пить, – попросила она.

Я бегом спустилась по лестнице, налила в чистый стакан воды из эмалированного чайника и принесла ей. Мама при-встала на матрасе, взяла стакан двумя руками и начала пить так, будто она сто лет не пила.

Я подошла к подоконнику и взяла с него осколок зеркала,

которое раньше стояло в коридоре, а потом разбилось. В зеркале я увидела черные глаза и черные волосы. Только лицо было как у мамы – белое. Я повернулась к ней. Она держала стакан и смотрела на меня. Почему у мамы глаза голубые, а у меня черные? Мама похожа на дедушку – у дедушки тоже глаза голубые.

У мамы стал маленький нос. Он уменьшился за ночь. Мама вся стала маленькая, как будто ее подменили.

В комнату зашла бабушка. У нее сверху юбки был завязан передник. Она встала на середину комнаты и смотрела на маму, вытирая руки о передник. Они у нее давно были сухие.

– Когда помощь нужна, все болеют, – сказала она. – У меня две руки. Опять мне чужих людей просить? Завтра соседи придут, ты разлеглась. От людей стыдно.

Мама опустила руку на пол и встала перед бабушкой на колени. Потом, держась за пол, поднялась. Она согнулась, как старуха. Мама пошла из комнаты и, дойдя до, стены схватилась за нее. Я засмеялась.

– Мама, ты ходишь как дедушка, когда пьяный!

Я тоже спустилась вниз. Мы сидели с мамой на подушках и засовывали мясо в требуху. Бабушка заматывала ее нитками.

– Завтра Хаджи-Мурад придет, родственники, соседи придут, – заговорила бабушка, мотая черную нитку на требуху. – Твой чемодан, который Курбановы принесли, у меня в комнате стоит, ты до сих пор не открывала. Давай попозже

открой, померь все как следует. Завтра, когда люди придут, оденься, чтобы нам тоже не стыдно было.

Бабушка так часто говорила, что нам от людей будет стыдно. Я думала, люди только для того к нам приходят, чтобы проверить, правильно ли мы живем. И если неправильно, нам должно быть от них стыдно. Она все время говорила про людей. Если я плохо подметала пол, бабушка говорила, что, если кто-то зайдет и увидит наш пол, ей глаза будет стыдно поднять. Если мама отдыхала, бабушка говорила, что надо ткать ковер, потому что люди могут зайти и увидеть, как мы бездельничаем, тогда тоже стыдно будет. Надо было каждую минуту что-то делать, даже если вся работа за день была сделана. Нельзя было долго спать, чтобы бабушке не было стыдно. И я всегда думала – мы же ни к кому не приходим, не проверяем, что они делают. Пусть делают что хотят, это же их дом.

– Ты смотри, как Бесме свою дочку замуж выдала, – сказала бабушка. – Никто бы на ней не женился. Вот я тебе говорю! Уй, какая она лентяйка, а то я не знаю. Бесме сама вещи дома стирает, а дочка несет в сад вешать – чтобы все видели, как она стирку делает. Бесме сама хинкал раскатает, гости придут, дочка только в воду тесто бросит, чтобы люди думали – это она приготовила. Вот такими хитростями выдала Бесме ее замуж. Потом ее там у мужа научат работать и заставят тоже. Главное – замуж выйти. А у нас что? То одна лежит, то другая. Люди придут, что скажут? Потом мое имя

будут на языках трепать. Мне это надо? Мне это не надо. Вот я тебе говорю!

Требуха закончилась, бабушка положила всю колбасу в кастрюлю и налила сверху воды. Я сидела на подушке, прислонившись к стене. Мои глаза слипались. Я хотела спать, но так тяжело было встать, подняться по холодной лестнице и постелить постель. Я мечтала, чтобы кто-нибудь взял меня на руки, отнес на второй этаж, уложил на постеленный матрас, накрыл одеялом, и я бы спала до утра, не слыша петухов.

Мама тоже закрыла глаза и прислонилась к стене. С улицы приходило цыканье цикад. Все село засыпало. Я открывала глаза, смотрела на мамино лицо, цикады меня усыпляли, я закрывала глаза, холодная стена меня будила, я снова открывала глаза и смотрела на лицо мамы.

На другой день возле наших ворот остановился автобус. Мы издалека слышали его шум. Дедушка надел папаху и не спеша пошел во двор. Бабушка бросила колоть грецкие орехи и побежала за ним следом. Мы с мамой вышли последние.

Дядя вошел во двор в военной одежде. В руках он нес желтый чемодан. Дедушка захихикал и протянул ему руку. Пока они трясли руки и улыбались, бабушка стояла за их спиной и вытирала сухие руки о передник. Дядя подошел к бабушке и обнял ее одной рукой. Бабушка захихикала. Дядя обнял маму двумя руками и похлопал ее по спине. Подошел ко мне,

взял на руки и хотел подбросить, но сильно надавил руками мне на бока, я начала крутиться и он, хихикая, опустил меня на землю.

– Пошли, пошли, – позвала бабушка, – давай обедать.

Дядя с дедушкой ушли в комнату для гостей. Мама носила туда хлеб, соленья, тарелки, в которых плавало жирное мясо и картошка. Бабушка принесла пряники и конфеты. Я стояла на пороге и смотрела из-за занавески, как они отлаживают хлеб и макают его в тарелки. Дядя меня заметил и снова захихикал. У него были голубые, как у дедушки, глаза. И красные кучерявые волосы. Почти такого же цвета, как у мамы. У нас в селе мало людей с такими волосами.

– Хадижа, иди сюда, – позвал он.

Я вошла в комнату.

– Что ты хочешь – пряник или конфету? – спросил дядя.

– Все хочу, – ответила я.

Он засмеялся и дал мне и пряник, и конфету.

– Ты совсем на Айшу не похожа, – сказал он.

– А на кого она похожа? – спросил дедушка.

– На нашу мать, – ответил дядя.

Зачем он так сказал, обиделась я. Я ни за что не хотела быть похожа на бабушку! У бабушки большой красный нос и узкие глаза. У нее морщины и грудь, как две старые груши, которые упали с дерева на землю и высохли. Я видела один раз, когда она переодевалась!

– Не хочу быть на нее похожа, она страшная!

Дедушка захохотал.

– Э, ты не знаешь, в молодости твоя бабушка была самой красивой в этом селе. Сколько за нее сватались, я даже думал – все, мне она не достанется. Радуйся Хадижа, что ты – вылитая она. Не то что твоя мать – бледная, худая, рыжая. Я, правда, сам тоже рыжий был, теперь седой, – сказал дедушка. – Вот твой дядя рыжий. Спроси, как его дразнили всегда.

– Рыжий-пыжий конопатый, убил дедушку лопатой, – сказал дядя и захихикал.

– Не надо дедушку убивать!

– Ах ты моя молодец, – обрадовался дедушка. – Ма тебе за это еще пряник, – он протянул мне другой пряник.

В обед места на нашем крыльце для чужих галош не осталось. К нам в дом шли и шли мужчины. Они заходили, жали руку сначала дедушке, потом дяде. Из той комнаты постоянно доносилось:

– Салам алейкум.

– Алейкум салам.

Они садились вдоль клеенки, мама и бабушка носили им еду. Пришла Салиха и другие соседки. Несколько раз бабушка приносила из сарая бутылки водки. Она накрывала их передником и брала в руки через него, чтобы не касаться к водке. По ее лицу можно было подумать, она съела червяка. Бабушка ненавидела водку. Ее пили только мужчины. Ни одна женщина в нашем селе не пьет водку, это такой позор. Но они берут бутылки в руки, когда носят их мужчинам на стол,

а бабушка берет только через передник и всегда строит такое лицо, как будто ее сильно тошнит.

Соседки горланили, пока лепили курзе. Мама раскатывала тесто на большом деревянном круге. Иногда она переставала катать, опускала скалку, закрывала глаза и прислонялась к стене. Бабушке хватало одного взгляда, чтобы мама, вздрогнув, снова начинала катать.

Дедушка несколько раз выходил из комнаты, в которой было столько мужских голосов, что я не могла разобрать ни слова из того, о чем они говорили.

– Неси, да, – говорил он бабушке, вытирая лоб.

Его лицо так покраснело, будто он только что кого-то зарезал. На лбу выступил пот – в доме было очень жарко.

Бабушка вставала, поджимала губы, чтобы их совсем было не видно, и очень гордо с прямой спиной шла в сарай. Она возвращалась, неся в переднике бутылки и говоря: «Пах... пах...» Это слово она всегда говорит, когда злится. Она становится как чайник, который вскипел, а его забыли выключить.

– Дай я буду им эту водку носить, – сказала Салиха, когда бабушка встала еще раз, чтобы идти в сарай.

– Не надо! – ответила бабушка и пошла – «пах... пах...».

Одна соседка вытаскивала курзе на подносы, бросала сверху кусок масла, а другая уносила мужчинам. Большая кастрюля без крышки несколько часов кипела на печке, от нее поднимался жирный пар. В нее постоянно подливали во-

ду. Даже от моих волос под косынкой пахло мясом.

Когда мужчины попросили чай и мама отнесла несколько подносов со стаканами, женщины сели есть. Они брали мясо с подноса руками, откусывали, по их губам и подбородкам текло масло и жир. Я бы не подумала, что бычок и телка были такими жирными.

Я уснула, сидя на подушке. Через сон слышала, как судачили женщины. Как кричали мужчины. Как скрипели полы под ногами, когда гости расходились. Было уже поздно. Кто-то отнес меня наверх, и я спала до утра.

* * *

В день свадьбы с утра дядя с дедушкой расставили длинные столы во дворе. Столько еды у нас стояло в доме на полу! Я никогда не видела столько еды.

Днем к нам пришли нарядные женщины со всего села. Они постояли возле нашего дома. Как их было много! Бабушка вынесла им большое зеркало, зажженные керосиновые лампы, пакеты с рисом и конфетами.

Женщины пошли по дороге в сторону родника – к дому невесты. Была сухая погода. Солнце падало в зеркало, и пока мы шли, блестящее отражение от зеркала бегало по заборам и домам. Из всех дворов выходили дети и бежали за нами. Все хотели поскорее увидеть невесту. Они с завистью смотрели на мое платье, и я от радости смеялась. Я хотела, что-

бы меня все видели, и постоянно выбегала вперед. На мне было блестящее розовое платье. Снизу из-под него торчал жесткий тюль – такой вешают как занавеску в городских домах. Дядя накануне ездил на рынок за костюмом и купил мне платье, белые гольфы и белые туфли. У меня в груди все пело. Я бежала по дороге до невестиного дома вприпрыжку. Мне хотелось радоваться и танцевать. Я постоянно проводила рукой по платью, сверху оно было расшито блестками. Как моей руке было приятно!

Ворота во дворе невесты были открыты. Нас встретили их женщины. Наши и их женщины поцеловались и перемешались. Все вошли в дом. У них на крыльце стояла разная обувь – блестящие туфли на каблуках, резиновые шлепки, мужские лаковые туфли. К ним, наверное, приехали родственники из города – только в городе носят такую красивую обувь.

Все спешили в комнату невесты, женщин было так много, я не могла пройти через них. Они стояли в очереди у входа и толкались. Одни выходили, другие заходили посмотреть на невесту. Я прижалась к животу Салихи и прошла с ней и Айкой. Айка со мной весь день не разговаривала, она мне завидовала. Аман, думала я, разве можно впускать в себя всякие плохие чувства?

Невеста стояла в углу возле окна. Аман! Какое красивое платье было на ней! Белое, как... как даже не знаю что. Гладкое, как роза. Ажурное, как хрустальная ваза. Аман... Все переливалось, блестело. Как я тоже хотела быть невестой.

Салиха подошла к невесте, подняла фату, чтобы посмотреть ее лицо, как будто она его никогда не видела, и покачала головой – довольная. Другие женщины тоже подходили к невесте, поднимали фату и смотрели на нее. Все были довольны. Только невеста плакала. Сначала она плакала тихо, потом слышнее. Никто не обращал на это внимания.

Женщины взяли ее за руки и повели из комнаты. Она пошла, но стала плакать еще громче. Прибежали женщины – ее родственницы – и тоже начали плакать. Честное слово, так обидно мне стало! Если они не хотели ее нам отдавать, зачем сами согласились?

Когда невеста вышла из дома, женщины начали бросать на нее рис и конфеты. Прибежал какой-то их родственник и стал стрелять из ружья. Женщины с их стороны шли за невестой до ворот и плакали в голос. Женщины с нашей стороны не обращали на них внимания. Одна несла перед невестой зеркало, другая – керосиновую лампу. Если зеркало во время свадьбы разобьется, это к большому несчастью.

Женщины с их стороны вышли за ворота и смотрели нам вслед. Им не положено было идти с нами. Родственники невесты не приходят на свадьбу.

Когда мы подошли к нашему дому, невеста стала плакать не так слышно. Мы вошли в ворота, и муж Салихи выстрелил вверх из ружья несколько раз. Женщины снова стали сыпать на нее рис и конфеты.

Из дома вышла бабушка. На ней была шелковая коричне-

вая юбка с цветами и большой зеленый платок с бахромой. Ненавижу, когда она так улыбается. Как она любит себя показывать перед людьми. Бабушка несла банку меда. Она подошла к невесте, подняла фату и сунула ей в рот ложку меда.

– Чтоб сладко было, – сказала она.

– Чтобы благополучие было, – закивали головой женщины.

Муж Салихи еще раз выстрелил в небо.

Невесту завели в дом и поставили в углу их с дядей комнаты. За день до свадьбы ее родственники отправили нам мебель – в приданое. На полу мы постелили их сумах, поставили их кровать из лакового дерева, шкаф, тройное зеркало, и стол с двумя стульями. Это называется гарнитур.

Невеста стояла в углу и снова плакала. Я подошла к ней.

– Если ты не хочешь замуж за моего дядю, иди домой, да, – сказала я ей.

– Я хочу за твоего дядю, – сказала она.

– А что ты тогда плачешь?

– Надо, – сказала она.

Я тоже подняла ей фату. Аман, удивилась я, это же Надира!

– Иди посмотри, что они там делают, – шепотом сказала мне она.

Я побежала вниз, но возле бабушкиной комнаты остановилась – меня кто-то позвал. Как я вздрогнула! Как испугалась.

– Хадижа...

Я встала и не могла пошевелиться. Из-за занавески высунулась рука и потащила меня в комнату. Слава Аллаху, это был дядя.

– Ты видела невесту? – тихо спросил он.

– Видела, – сказала я.

– Какая она?

– Это же Надира!

– Тихо... – он зажал мне рот рукой. – Ты видела, она красивая?

– Да, очень красивая, – сказала я. – У нее такое красивое платье – белое, блестящее.

– Ты лицо видела? – спросил он.

– Аман! – сказала я, вырываясь из его рук. – Лицом это Надира! Иди, да, сам посмотри, если мне не веришь.

– Все, иди отсюда, – сказал он, и я побежала вниз смотреть, что они там делают.

Гости уже собрались и сидели за столами – мужчины и женщины отдельно. Приехали музыканты и поставили посередине двора большие барабаны. Они были одеты в черные бархатные костюмы и лаковые туфли. Один держал на коленях гармошку. Другой подносил к губам дудку с кнопками и дул в нее.

Я даже не могла посчитать, сколько людей к нам пришло. Сто или двести, а может, триста. Все сельчане и родственники. Тех, кто приехал из города, было сразу видно. Они сиде-

ли в городской одежде. Сельчане тоже оделись получше, но по ним все равно было видно, что они сельские.

Один наш родственник сидел рядом с воротами. У него на коленях лежала раскрытая толстая тетрадь, и он писал в ней ручкой. Когда заходили новые гости, они сразу подходили к нему и давали ему деньги в подарок для жениха и невесты. А он записывал, кто сколько дал. Когда у этих гостей будет свадьба, бабушка с дедушкой подарят им столько же денег, сколько они нам подарили. Нельзя дарить сильно мало, это нам будет обидно, а им от людей стыдно. И сильно много тоже дарить нельзя – где мы потом возьмем столько, когда у них будет свадьба?

Родственник аккуратно складывал деньги и передавал бабушке. Слава Аллаху, что мы столько собрали. У нас столько было долгов из-за свадьбы.

Молодежь уже собралась во дворе. У девушек были красивые прически, а сверху – шелковые платки. Длинные юбки розового или голубого цвета. У парней – блестящие туфли и белые рубашки. Как было красиво...

Женщины уже носили подносы на столы. За столами сидели люди постарше. Старики сидели отдельно – им особое уважение. На столах стояли лимонад в бутылках, водка и шампанское. У женщин тоже стояло шампанское, но они его не пили. Когда у мужчин кончались бутылки, они брали их с женских столов.

Задудела дудка. Забил барабан. Молодежь встала в круг.

С одной стороны стояли парни, с другой – девушки. Некоторые парни держали в руке розу. Сначала никто не хотел идти танцевать – все стояли слушали музыку и смотрели в землю. Потом вышел один парень с розой, подошел к одной девушке и дал ей розу.

– Ой-й-й, – сказала она и спряталась за подружек.

Подружки стали ее выталкивать. Она вышла, мелко двигая ногами, подняла руки над головой и стала крутить ими под музыку. В одной она держала розу. Парень стал прыгать, все хлопали и кричали «Асса». Он всегда смотрел ей в лицо, как будто она ему что-то нехорошее сделала. А она всегда смотрела вниз, как будто она тоже знала, что ему что-то сделала. Когда танец закончился, он сунул ей в руку деньги, и она пошла отдавать их музыкантам.

Музыканты начали играть громче, сразу несколько парней вышли и пригласили девушек. Были девушки, которых приглашали чаще всех. Если кто-то хотел жениться на девушке, он ее приглашал. Были девушки, которых совсем не приглашали, тогда к ним с розой подходили братья или двоюродные братья, потому что стыдно, когда какие-то девушки не танцуют.

Женщины за столами ели и внимательно следили за молодежью. Парни и девушки не разговаривали между собой, только танцевали.

Вывели невесту и посадили ее с женихом за отдельный стол. Они сидели лицом к танцующим и ничего не ели. Во-

обще не шевелились. Лицо невесты было закрыто фатой, а дядя смотрел в тарелку. Его щеки стали красными.

Все танцевали и танцевали. Музыка играла и играла. Я брала со столов какую хотела еду – для себя и для Айки. Она снова со мной разговаривала. Мужчины поели, встали из-за стола с красными лицами и стали приглашать женщин на танец. Женщины вставали, с очень прямой спиной шли в круг и, глядя вниз, ходили за мужчиной по кругу, крутили руками. Я тоже выбежала танцевать. В нас летели монеты, рис, вокруг дудела и стучала музыка, из груди вырывался смех. Мы с Айкой мелко шевелили ногами, носились по кругу, крутили руками под музыку, смеялись. У меня внутри били барабаны. Ко мне подошел дедушка и дал мне сто рублей. Он тоже смеялся. Так весело нам еще никогда не было. Я не стала отдавать деньги музыкантам. Я хорошенько посмотрела по сторонам, не видит ли кто меня, и спрятала деньги в карман. Столько было еды, столько музыки, столько смеха, столько счастья!

Музыка замолчала. Все сразу собрались в круг. Жених с невестой встали из-за стола и вошли в этот круг. Они друг на друга не смотрели. Барабаны снова ударили. Дядя прыгнул и пошел по кругу, прижав одну руку к груди, а другую вытянув. Невеста побежала за ним. Было не видно, как танцуют ее ноги – все закрывало широкое платье. Она плавно шевелила руками, а дядя ходил и прыгал, красный, как индюк. Все бросали в них бумажные деньги, хлопали, кричали.

Потом музыка замолчала, и жених с невестой ушли в дом.

Уже потемнело, во дворе зажгли электрическую лампу. Салиха подмела веником деньги, собрала их на поднос и отнесла бабушке. Все снова стали танцевать, мы с Айкой побежали в дом, чтобы узнать, сколько денег Салиха собрала. Мы быстро взлетели по лестнице на второй этаж и увидели бабушку, которая стояла возле дядиной комнаты, приложив к двери ухо. Она быстро подлетела к нам, цыкнула и небольно толкнула меня в спину. Пришлось спускаться вниз. Внизу Салиха считала деньги. Я подошла к ней.

– Тихо, – сказала она. – Не шумите.

– А что там бабушка подслушивает? – спросила я.

– Ва-ба-бай, – ответила Салиха и шлепнула меня по руке. – Тебе не стыдно такие вещи говорить? Идите отсюда.

Спустилась бабушка, села рядом с Салихой и начала сопеть. Они все время молчали, как будто чего-то ждали. С улицы приходила громкая музыка. Бабушка сидела, выставив из платка ухо. Она не шевелилась, и когда мы с Айкой смеялись, трясла пальцем у моего носа.

Мы услышали, как дверь на втором этаже открылась. Бабушка вскочила и как пуля полетела вверх. Она вернулась через секунду, вся красная и довольная.

– Все нормально! – сказала она Салихе и побежала на улицу.

Музыка замолчала, раздались выстрелы из ружья. Мужчины кричали, всем было весело.

– Что нормально? – спросила я у Салихи.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответила она.

Я никогда еще не веселилась так, как в тот день. Только когда гости начали расходиться, а женщины убирать со стола, я вспомнила, что сегодня еще не видела маму. Я побежала в нашу комнату, ее там не было. Я нашла ее в комнате бабушки. Она лежала на кровати спиной к двери.

– Мама! – крикнула я.

Она повернулась ко мне.

– Принеси мне пить, – попросила она.

Я принесла ей воды и снова убежала веселиться.

* * *

Моя тетрадь, только тебе я могу рассказать, как ненавижу себя теперь. Я никогда не буду себя любить, я это знаю. Я никогда не буду просить у Аллаха ничего хорошего для себя, потому что я недостойна. Я веселилась и танцевала, когда мама лежала одна на кровати и хотела пить. Я забыла про нее. Я ела и пила, сколько хотела, а маме некого было попросить принести ей воды. Все забыли про нее. Почему я понимаю только сейчас, как это было с моей стороны плохо? Почему я не подумала о маме даже тогда, когда увидела ее лежащей на кровати? Почему я за весь день не вспомнила о ней? А она лежала там, совсем одна, и, наверное, плакала и просила пить, только никто ее не слышал. Я никогда себя

не прощу!

Я пишу эти строчки, закрываю глаза и спрашиваю себя – почему наша жизнь такая, что в ней ничего нельзя исправить? Сейчас я бы не оставила ее одну, я бы сидела рядом с ней на кровати, я бы не обращала внимания на музыку и веселье. Пусть смеются и танцуют, мне не нужна эта свадьба! Мне никто не нужен, кроме мамы! Прошло шесть лет, но наша жизнь такая, что в ней ничего нельзя исправить, даже если очень этого хочешь. Я ненавижу бабушку и Салиху за то, что они забыли про маму. Я ненавижу дедушку и дядю за то, что они веселились, когда маме было плохо. Но больше всех я ненавижу себя. Моя душа не то что открыта для плохого – дверь моей души для плохого никогда не закрывается.

На следующий день свадьба продолжилась, и всем снова было не до мамы. Надира утром вышла из комнаты в красной шифоновой юбке и красной шелковой кофте. Она начала помогать бабушке. Дядю я весь день не видела, он куда-то ушел. Я встретила его только утром, и он был такого же цвета, как Надирина одежда.

К нам приходили гости из других сел – те, кто не успел поздравить нас вчера. Они шумно целовались с бабушкой, Надирой и Салихой. Сиделись вокруг клеенки, на которой лежали, привезенные ими торты «Каприз» и «Наполеон», печенье, конфеты. Я ела, пока могла, потом места в животе не осталось, и я просто смотрела на сладости, чтобы их запом-

нить. Когда свадьба закончится, их больше уже не будет.

– Вы видели вчера, как Зумкина дочь глазки парням строила? – спросила Салиха.

– А какая она накрашенная была, – сказала другая соседка.

– Куда родители смотрят, – закачала головой бабушка.

Когда я слушала их сплетни и закрывала глаза, мне в темноте представлялись четки. Как будто бусинки – это сплетни. Бабушка с соседками перебирают их одну за другой, без остановки. И все их сплетни одинаковые. Уже неинтересно слушать, честное слово.

Я отнесла маме кусок «Каприза».

– Хадижа... – сказала она.

– Мама, ешь.

– Я не хочу.

Я потрогала одеяло, под которым она лежала. Боялась, что под ним ничего нет, такой мама стала маленькой. Боялась, что от мамы осталась одна голова.

– Мама... – я погладила ее по лицу. У нее была горячая щека.

– Хадижа... – сказала она, из ее глаз потекли слезы.

– Мама, не плачь, да.

– Я не плачу.

– Мама, пойдем вниз. Там торт, конфеты, гости, невеста, посмотришь, какая у нее красивая юбка – шифоновая.

– Потом пойду, – сказала она. – Я устала.

– Почему ты устала? Ты же ничего не делала.

– Когда вырастешь, узнаешь, – сказала она.

Через окно было слышно, как возле наших ворот остановилась машина. Кто это?! Я побежала вниз. Бабушка уже была во дворе и сделала сладкое лицо. В ворота заехала белая машина. Из нее вышли маленький худой мужчина с лысой головой, молодой парень в белой рубашке и большая толстая женщина с вот такой, как мой палец, цепочкой на шее. Кто это, не поняла я.

Женщина была обута в туфли с золотыми квадратными бляшками спереди. Она поправила шелковый платок, упавший с головы. Аман, сколько у нее было колец на пальцах! Сейчас бабушка умрет от зависти, подумала я.

Бабушка бросилась к этой женщине, прижала ее к себе, пока дедушка здоровался за руку с парнем и мужчиной. Женщина отодвинула бабушку от себя. Но бабушка взяла ее за руку, долго смотрела ей в глаза и плакала. Оказывается, это была ее сестра, мамина тетя.

Женщина зашла в дом, поцеловалась со всеми женщинами. Подошла к Надира и стала смотреть на нее. Надира вся покраснела. Женщина покачала головой.

– Ай, красавица! – сказала она.

– Садись, садись! – бабушка била рукой по подушке рядом с собой. – Давай с дороги перекусим, чай попьем.

– Чай успеем попить, – сказала женщина, усаживаясь рядом с бабушкой и тяжело дыша. Она посмотрела по сторо-

нам. – А где Айша?

– Там, в комнате, – бабушка махнула рукой на лестницу. – Плохо себя чувствует она, когда тут нужна помощь.

Женщина убрала со своей руки бабушкину руку, встала с подушки и пошла наверх. Лестница скрипела, когда она наступала на нее толстыми ногами.

Она спустилась через пять минут без платка с мокрыми глазами и красным лицом.

– Айше надо срочно позвать врача! – сказала она бабушке.

– Завтра вызовем, сейчас мне не до нее. Давай-давай чай пить, – засюсюкала бабушка. Кажется, она боялась своей сестры. Наверное, потому, что она богатая.

– Клянусь Аллахом, ты сейчас врача позовешь или я это сделаю сама!

– Куда спешить? Сегодня свадьба. Зачем портить? До завтра она потерпит.

– Клянусь Аллахом, я отсюда шагом не ступлю, пока врач не придет!

– Зухра, оставайся! – засмеялась бабушка, но видно было, как она разозлилась. – Хоть всю жизнь здесь живи. Смотри, какой у нас тут воздух, не то что у вас в Махачкале.

– Шагом не ступлю! – повторила женщина.

Она вышла на крыльцо.

– Руслан! А Руслан! – позвала она. – Русик!

К ней подошел парень, который с ними приехал. Наверное, он ей бывает сын, подумала я.

– Езжайте, да, на машине в соседнее село!

– Зачем?

– Айша заболела. Врач срочно нужен. Езжай.

Она вернулась в дом и, не глядя на бабушку, снова поднялась наверх и не выходила оттуда, пока не приехал на машине врач. Бабушка сидела на подушках тихая и злая. Соседки и родственницы молчали. Только Салиха высказала недовольство:

– Ты смотри, приехала командовать. Не знает, что ли, что свадьба у людей? Такое одолжение она нам делает, что приехала. Бывает же! – сказала она, но бабушка сверкнула глазами, и Салиха перестала говорить.

Наверное, та женщина была богаче всех, не зря ей такое уважение.

– Идите, поднимайтесь сюда! – бабушкина сестра позвала сверху врача, услышав, как к дому подъехала машина.

Она стояла на верхней ступеньке лестницы, и снизу мне были видны только ее большие ступни.

Этот же врач приходил ко мне, когда я простыла на кладбище. Я обрадовалась, когда увидела его, – он дал мне лекарство, и я быстро поправилась. Теперь он даст лекарство маме, и она тоже поправится.

Врач поднялся, и наверху долго было тихо. Бабушка сидела, выставив ухо из платка. Все слушали, что там происходит, но, кроме мужских голосов, из соседней комнаты не было ничего слышно. Бабушка не хотела показывать, что она

слушается свою сестру, но она не выдержала, встала и пошла наверх. И вот с той минуты, как бабушка поднялась наверх, дядина свадьба закончилась.

Со второго этажа раздался вой, стало слышно, как что-то упало. Все побежали наверх – и женщины, и мужчины.

Бабушка сидела в коридоре на полу и била себя в грудь. Ее платок упал и вылезли седые волосы.

– Аллах! – кричала она. – Аллах!

– Что случилось?! Что случилось? – кричали женщины.

– Все! Тихо мне! – крикнула бабушкина сестра, и все замолчали.

Она вышла из комнаты с врачом.

– Не надо везти ее в город, – сказал он. – Уже не успеете.

– Что стало, да?! – крикнул дедушка.

– Айша умирает! – завывала бабушка.

– Как умирает?! Женщина, ты что мне говоришь?!

– Идите, да, отсюда все! – закричала бабушкина сестра. –

Собрались тут! Как будто раньше глаз у вас не было!

– Да?! – обиделась бабушка.

– Зурна! – крикнула ей сестра.

* * *

Я плохо помню события того дня. Иногда я хочу их вспомнить, а иногда – забыть даже то, что помню. Тот день похож

на кино — я вспоминаю его только отдельными картинками. Я помню, как бабушка сидела внизу на подушках, а женщины держали ее за руки. Помню, как прибежал дядя. Помню, как дедушка сидел у точильного камня, крутил его одной рукой, и его лицо вздрагивало. Я помню этот скрип. Я помню, как за водой спускалась бабушкина сестра — без платка с растрепанными волосами и красным лицом. Помню, как бабушка вскакивала с подушек и падала на них снова. Помню, как приходил мулла и пел. Помню, как дядя посадил меня на колени и гладил по голове. Но я не помню, что знала о том, что мама умирает. Кажется, в отличие от других я этого не понимала.

Бабушка встала и, шатаясь, пошла наверх. Она охала и держалась за перила. Салиха тяжело дышала. Соседки остались внизу и смотрели друг на друга так, как будто увидели шайтана.

— Бывает такое, чтобы свадьба похоронами закончилась? — сказала одна соседка.

Надира заплакала, но закрыла рот рукой. Вчера она плакала громко, а сегодня не хотела, чтобы ее слышали.

Бабушкина сестра снова спустилась вниз и посмотрела по сторонам. Мы встретились глазами, и сама не знаю почему, но я расплакалась. Наверное, я боялась ее.

— Это ты Хадижа? — спросила она.

— Она, она, — ответила Салиха, утирая глаза концами плат-

ка, и подвела меня к женщине.

Женщина села передо мной на корточки и зажала меня между колен. Обняла и погладила по голове.

— Какая девочка, — сказала она. — Какая Хадижа. Внучкой ты мне бываешь. Скоро Хадижа к нам в город приедет.

Я не знаю, что со мной случилось, когда она сказала эти слова. Я не собиралась плакать или кричать. Моя голова думала, что не надо плакать или кричать. Я же хотела поехать в город. Мне же никто ничего плохого не сделал. Но у меня из горла вылетел крик. Я знала, что не надо кричать, но я все равно кричала и била эту женщину по плечам. «Что ты делаешь? — говорила я себе спокойно. — Хадижа, остановись. Какой позор! Что люди скажут. Все же видят!» Внутри я была спокойной, а снаружи — нет. Я не могла остановиться — кричала и била эту женщину. Это шайтан, подумала я, он заставляет меня так делать. Я знаю.

Я думала, бабушкина сестра разозлится на меня и ударит по лицу. Но она, наоборот, прижала меня к себе и держала, пока я не успокоилась. Я перестала кричать и слушала с открытым ртом, как она дышит. Когда меня к груди прижимала мама, мне не было так горячо, я чувствовала все мамины кости. Сейчас мне было горячо. Можно было подумать, что я положила голову на большую подушку, в которой бьется сердце, похожее на то, которое несколько дней назад бабушка промывала в тазу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.